

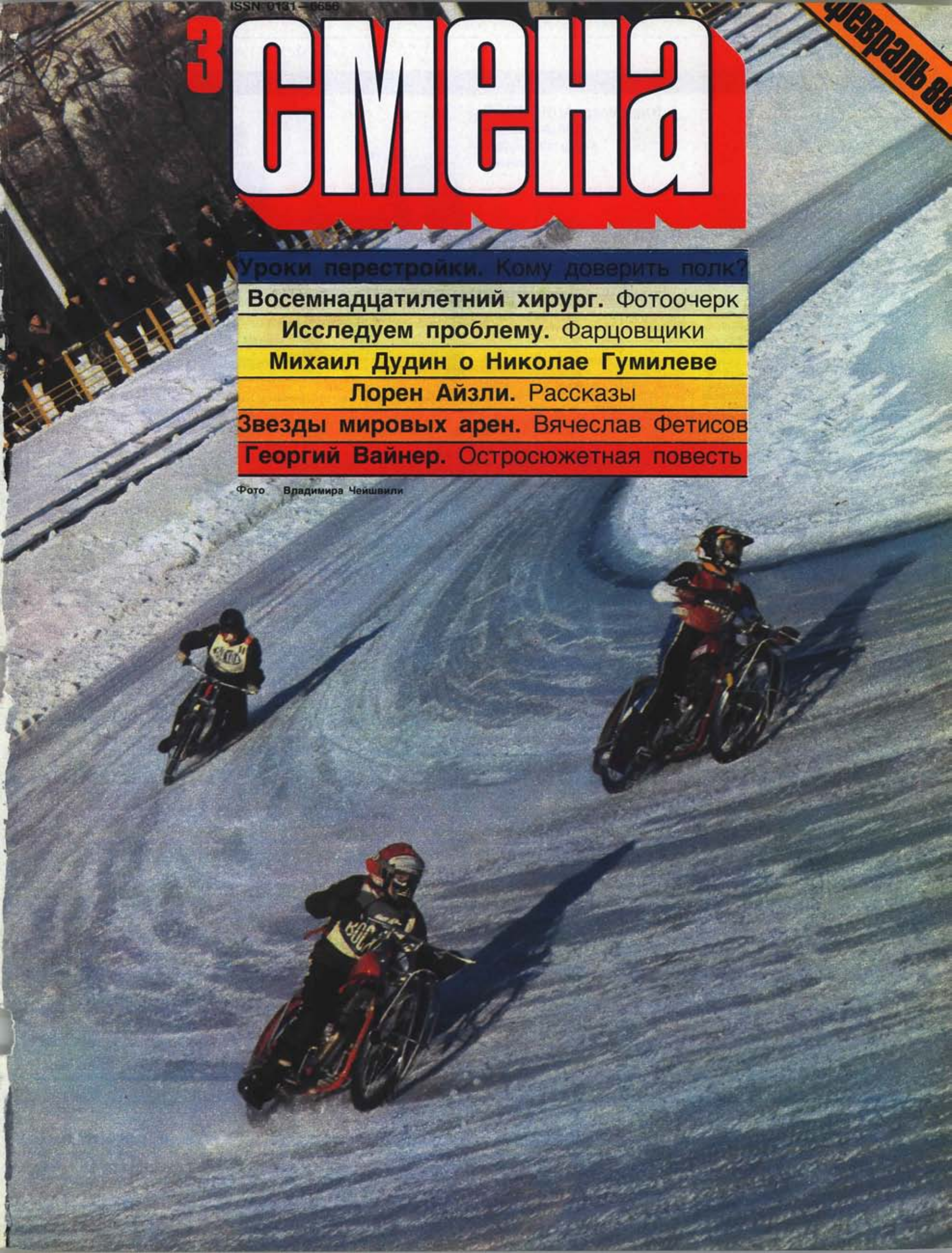
3

СМЕНА

Февраль 88

Уроки перестройки. Кому доверить полк?
Восемнадцатилетний хирург. Фотоочерк
Исследуем проблему. Фарцовщики
Михаил Дудин о Николае Гумилеве
Лорен Айзли. Рассказы
Звезды мировых арен. Вячеслав Фетисов
Георгий Вайнер. Остросюжетная повесть

Фото Владимира Чейшвили

Владимир АНИСИМОВ,
специальный
корреспондент
«Смены»

— Гайдар
в твои годы
полком
командовал!..
— Так дайте
мне полк!

Разговоры об инфантилизме молодых имеют под собой, к сожалению, реальную почву. Даже песню такую мажорную сочинили (якобы комсомольскую), где на полном серьезе и с пафосом поется: «Биография начинается с двадцати четырех лет». А не поздно ли? Допускаю, автор сих перлов именно эту цифру проставил, дабы в размер вписывалась. Но мы-то слушаем — и ничего, не удивляемся, не возмущаемся, принимаем как должное.

Что-то, видимо, и в нашем сознании сместилось, если человека на третьем десятке продолжаем числить юношей, еще только обдумывающим будущее жите. Считаем нормальным, что среди жгучих «проблем» двадцатилетних — форма прически и одежды, сравнительно высокое достоинство любимых звезд тяжелого рока. Привыкли к тридцатилетним «молодым специалистам»...

Не углубляясь более в эту тему, хочу повернуть разговор в несколько иную плоскость.

Вот что интересно. Едва молодежь пробует заявить о себе не в пустяках, а в настоящем, сложном деле (к чему ее, собственно, постоянно и призывают!), как мы сразу же ошестиниваемся. Нет, если молодой человек хочет «проявить себя», на, скажем, строительстве БАМа в качестве лесоруба или монтера пути — тут мы только поаплодируем. Поддержим — правда, уже с некоторыми колебаниями — его выдвижение в бригадиры. Но упаси бог молодого пытаться «прыгнуть» выше головы! Даром ему это не пройдет.

«Молодым везде у нас дорога»... Положа руку на сердце, кто воспринимает эту фразу буквально? Дорог-то вроде действительно много, но на каждой действуют свои правила движения, нарушать которые не рекомендуется. Немало на жизненных дорогах шлагбаумов и запрещающих знаков. Мы их сами поставили, осыпали временем и традициями — попробуй обойди! Особенно заставлена «кирпичами» дорога к командным высотам: здесь молодость — главная помеха, это даже обсуждению не подлежит. Если молодой человек вдруг заявит о своем праве на лидерство, о желании играть первые роли в решении важных социальных, экономических проблем, в решении — не побоимся этого слова — государственных вопросов, вот тут все наше естество и восстает: «Куда лезешь? Не дорос еще!»

На такие соображения навела история, происшедшая в Иванове. Там взяли и выбрали начальником единственного в городе таксопарка двадцатитрехлетнего комсомольца, шофера третьего класса Сергея Звонова. Полк — не полк, но хозяйство солидное (семь сотен работников, около трехсот машин) и... донельзя запущенное: изношенные автомобили, половину из которых давно пора бы списывать, хилая ремонтная база, высокая аварийность. Между тем предприятие считалось благополучным, почти передовым — ведь план выполнялся! Но какой ценой? Рабочее время водителя начинало отсчитываться с момента выезда за ворота таксопарка. А то, что он полдня

перед этим ремонтировал свою старую «Волгу», никого не касалось. Время ремонта и простоя почти никогда не отмечалось и не оплачивалось. Так рабочая смена растягивалась порой до шестнадцати часов. Между прочим, в путевых листах таксистов стоит штамп: «Сверхурочная работа запрещена», стало быть, ремонт — это приятный отдых? Работали и по выходным дням. Запчасти, бензин, масло, резину шоферы покупали за свои деньги. Ну, если быть точным, не совсем за свои... А как не брать чаевые при таком беспорядке в парке?..

Кончилось терпение у водителей, и они обо всем честно написали в Москву.

В таксопарк прибыла комиссия... Опуская дальнейшие подробности, скажу только: решено было прежнего начальника освободить от работы, а нового выбрать. Вполне в духе времени.

К выборам готовились пять кандидатов. В последний момент двое взяли самоотводы. А опытные специалисты — заместитель начальника автобусного парка и начальник производственно-технического отдела объединения «Ивановоавтотранс» — набрали голосов меньше, чем выдвинутый рабочими водитель третьего класса Звонов.

В ходе выборной профсоюзной конференции начальник объединения (да и другие начальники) высказали свое отрицательное мнение по поводу кандидатуры молодого шофера. Выбрать человека, не имеющего высшего образования, никогда не работавшего на руководящих должностях? Это же просто смешно! Логичные, казалось бы, аргументы не подействовали. Начальнику объединения не оставалось ничего другого, как подписать приказ о назначении Звонова.

Сергей — извините, теперь уже Сергей Николаевич, — конечно же, нарушил все традиционные «правила движения». Ему следовало закончить институт, получить диплом, походить, сколько положено, в молодых специалистах, а там — со ступеньки на ступеньку, из кресла в кресло... Впрочем, не буду иронизировать. Диплом, что ни говори, — вещь нужная и полезная. Но, если по совести, сколько мы знаем дипломированных неумех, бездельников, просто некомпетентных людей? Очень часто при приеме на работу требуют показать диплом — неважно какой, «пед» или «мед», лишь бы «корочки» были. Припомните: все ли ваши друзья, знакомые работают по специальности? Не секрет: во многих вузах «тянут» явно неспособных студентов до выпуска, чтоб только не портить благополучия высоким отсевом. А разве неизвестны нам умудренные руководящими должностями — но тем не менее с треском проваливающие порученное дело — начальники? Ни в коей мере не отрицаю полезность высшего образования, профессионального опыта, но и фетишизировать их тоже, на мой взгляд, не стоит. Сами же, оглядываясь в прошлое, восторгаемся прапорщиками, командовавшими армиями,

Фото Юрия Козырева

«красными директорами», поднимавшими нашу промышленность...

Я далек от прямых аналогий. Да, Сергей Николаевич Звонов — не прапорщик Крыленко. Ему еще предстоит доказать, на что способен. Мне непонятно, почему ему заранее, априори, не верят? Чем он успел заработать недоверие (и неприязнь) у своих руководителей, совершенно его не знающих? Попробуйте поработать, когда вам не верят... Не верят еще до того, как вы взялись за дело!

Начальник объединения сказал мне по телефону, что Звонов не имеет морального права руководить коллективом: «Такое выдвижение — от «баранки» в начальники парка — возможно, если водитель имеет хотя бы десятилетний стаж работы, а Звонов и шофером неопытный. Я мог не утверждать его в должности, но согласился с мнением парторганизации, что в такой ситуации не утвердить нельзя. Что теперь? Показатели по прибыли у парка ухудшились, дисциплина упала... Если Звонов будет серьезно работать над собой — лет через десять станет руководителем».

Да, молод Сергей Николаевич, молод непростительно... да ведь это пройдет, не успеешь оглянуться. И диплом получит — сейчас он на втором курсе юридического факультета Ивановского университета. Так что дело не в этом. Случай (или судьба, как угодно) предоставил ивановским руководителям возможность провести своего рода социальный эксперимент: может ли современный молодой человек в короткий срок овладеть искусством управления большим коллективом? Вместо этого здесь стали проводить совсем другой эксперимент — на выживание молодого лидера в самых неблагоприятных психологических условиях.

Многотиражная газета «Транспортник» начала копаться в биографии молодого начальника. Оказывается, не захотел он после техникума работать по специальности радиотехника и устроился на работу в «папином гараже» — хороша формулировка! Но «устроился»-то он всего лишь автослесарем. Вообще-то тянуло за руль, но отец — заведующий гаражом — машины сыну как раз и не выделял, чтоб люди чего не подумали.

Другой «компрометирующий» факт из многотиражки — работал дворником! Все верно. Не сказано об одном: ждал Сергей тогда нового набора на курсы шоферов и нашел такую должность, с которой можно быстро, без двухмесячной отработки, уволиться. Видимо, в газете полистали личное дело, а с человеком поговорить не удосужились.

Не думаю, чтобы газета позволила себе писать в таком, почти фельетонном тоне о человеке солидного возраста, имеющем руководящий опыт. При чем статья эта вышла, когда Звонов

еще даже не приступил к исполнению своих новых обязанностей! Но «Транспортник» уже категорически назвал выборы ошибкой. На каком, собственно, основании? «Ты виноват уж в том, что хочется мне кушать»... то бишь в том, что молод, и биография твоя нам не нравится. Вот так, человек еще ничего не мог совершить, а ему шлагбаумом, да по голове...

А что в самом таксопарке? Большинство инженерно-технических работников, управленцев голосовало не за Звонова. Против был и тогдашний секретарь партбюро; он вскоре ушел из парка в райком народного контроля — после выговора в приказе за ненадлежащее исполнение своих прямых обязанностей начальника отдела.

Есть три версии — попытку объяснить неожиданные итоги выборов.

Первая: Звонова выбрали «назло» руководству объединения, привезшего на выборы «своих» претендентов и пытавшегося оказать нажим на участников конференции.

Вторая: победили горлопаны, стремившиеся посадить в кресло начальника своего брата-шофера и тем самым обеспечить себе «легкую жизнь».

Третья: Звонов — тот человек, который нужен сегодня таксопарку.

Среди управленческих работников третья версия почти не рассматривается...

Говорили мы с председателем профкома Владимиром Николаевичем Разгоровым. О том, что парк машин не обновляется, а планы все растут, о других трудностях. Зашел к нам случайно Звонов, присел в углу приставного стола. Предпрофкома и его подключил к разговору: «Скажи, Сережа... А помнишь, Сережа...» Зная отношение Владимира Николаевича к результатам выборов, я отлично понимал, что это не было дружеским, отеческим расположением к молодому руководителю. Звонов отвечал сдержанно и корректно, ничем не показывая, что ему неприятно (а я в этом не сомневаюсь) фамильярность в присутствии постороннего человека. Сам он тоже мог бы — по должности! — говорить предпрофкому «ты» и «Володя», да возраст и воспитанность не позволяли.

Мелочь, деталь, незначащий штрих, скажете. Не знаю... В положении Звонова каждая мелочь, думаю, важна. А его положение точно охарактеризовал водитель-наставник, ветеран труда, орденносец Юрий Александрович Мухин:

— Выбрать — выбрали, а помощников у него нет. Варится в собственном соку. Очень тяжело ему сейчас.

Разговоров Мухину не возразил... Я познакомился со Звоновым через три месяца после вступления его в должность. Что он успел сделать за такой короткий срок? Критиковать-то было легко, а вот теперь, когда ты сам

ДОВЕРЯТЬ ЛИ МОЛОДЫМ?

Мы приглашаем наших читателей — всех, независимо от возраста, — поделиться своими наблюдениями, мыслями: что по плечу современной молодежи? Можно ли доверить ей важные, трудные дела? Что надо сделать для того, чтобы перед молодыми действительно были открыты все дороги?

отвечаешь за все, что происходит на предприятии, попробуй-ка разгрести многолетние завалы, навести порядок.

— Практически ничего не успел, — откровенно признал Звонов.

Уточню: кое-что все же успел. Теперь учитывается и оплачивается время ремонта, простоя. Стали считаться рабочими и 23 минуты подготовительного времени (на оформление путевых листов, осмотр, мойку и заправку автомобиля). Но... экономические показатели покотились из-за этого вниз! Так что же, возвращаться к прошлой практике, когда план делался любой ценой: ценой приписок, ценой постоянных переработок? Вот задача!..

Чаще в кино, чем в жизни, бывает такое: приходит новый руководитель поднимать отстающее хозяйство — а у него и миллион (выбил в министерстве) в кармане, и техника новейшая, и всяческая помощь «сверху».

У Звонова нет ничего. Та же рухлядь на четырех колесах; сто двадцать из двухсот «Волг» выработали свой ресурс, почти все «Москвичи» вообще стоят на приколе без запчастей; их поставки не были запланированы. Парк стареет, планы растут. Те же проблемы с ремонтом... У него нет еще пробивной силы, необходимой хозяйственнику, нет нужных деловых связей. В объединении раздражены тем, что он пытается добиться снижения плана: «Часть плана ему сняли. Дальнейшее снижение будет государственным преступлением!»

— Я не говорю, — возражает Звонов, — что нужен маленький план. Легкой жизни никому не обещаю! Моя программа — выработать напряженный, но реальный план, пересмотреть нормативы отчислений, создать нормальные условия труда водителю, обеспечить честную зарплату. Главное же, что мне сейчас нужно, — деловая поддержка.

Признаюсь, у меня сложилось впечатление, что управленческий состав парка, шокированный результатом выборов, если не занимается тихим саботажем, то занимает выжидательную позицию: когда и на чем молодой начальник свернет себе шею? Звонов опроверг мои предположения: единомышленники в парке у него есть. Знаю,

есть... Но знаю и то, что проект плана на 1988 год он составлял сам; (как объясняет, хотел глубже вникнуть во все проблемы); что по сложным экономическим вопросам консультируется у преподавателей университета.

Задаю вопрос, если можно так сказать, ниже пояса.

— А у вас не появлялась мысль взять самоотвод на выборах?

— Взял бы, — твердо отвечает Звонов. — Если б не взял самоотвод Кулаков, главный инженер автопредприятия. Двоих же оставшихся претендентов коллектив совершенно не знал — их привезли прямо на выборы. В этой ситуации я решил самоотвода не брать.

Осенью министр автомобильного транспорта РСФСР издал приказ (по инициативе «Ивановоавтотранса») о слиянии таксопарка с автобусным парком. Объединение расценивает этот шаг как конкретную помощь Звонову.

Новость снова взбудоражила коллектив. Зачем затевают объединение? Чтобы «убрать» Звонова, лишить самостоятельности? Наверное, вряд ли из-за одного начальника среднего звена стали бы готовить министерский приказ. Но сделали это в духе прошлых лет, забыв обсудить в коллективе предстоящую реорганизацию, объяснить, зачем она нужна.

...Многие руководящие работники считают итоги выборов издержками демократии: «Так и до анархии недалеко!» Звонов как по лезвию ножа ходит. Не справится с работой — можно будет сказать рабочим: «Видите плоды вашей «демократии»? Нам виднее, какой вам начальник нужен — убедилесь теперь?»

Не хочу идеализировать Сергея Николаевича Звонова. Революции в таксопарке он пока не совершил. Но у меня не могло не вызвать уважения его умение не опустить руки даже в атмосфере недоброжелательства. И не у меня одного. Есть среди инженерно-технических работников таксопарка люди, которые были против Звонова, а теперь поддерживают его.

Здесь еще надо сказать вот о чем. Звонов в полной мере испытал на себе несовершенство нынешней выборной системы. Все было сделано в соответствии с нынешними демократическими правилами: обсуждение кандидатов, тайное голосование. Победа молодого шофера внешне не вызывает сомнений — за него проголосовали 42 участника конференции (за двух других — 35 и 15). Но эти цифры стали еще одним аргументом у оппонентов Звонова. «Значит, — многозначительно говорят они, — большая часть собравшихся голосовала не за Звонова? Значит, большинство все-таки против?»

Выборы есть выборы; кто набрал больше голосов — тот и победил, тут нет вопросов. Но сама возможность двойного толкования итогов, спекуляции на цифрах заставляет крепко задуматься. Что-то надо менять в формуле выборов: в них должно участвовать абсолютное большинство работников любого предприятия, а не только собрание уполномоченных. Это нужно преж-

де всего самим избираемым (речь не об одном Звонове) — для твердой уверенности в поддержке всего коллектива.

...Что бы ни говорили оппоненты, а рабочие верят молодому руководителю. Председатель совета трудового коллектива, кадровый водитель Владимир Бажаев, например, считает, что Звонов с работой справится, несмотря ни на что:

— А вы хотели, чтоб он эту кашу, что десять лет заваривалась, расхлебал за полгода? Мы его выбрали — и он будет работать, а не кресло занимать. Нет опыта — научится. Я чувствую, что моральная атмосфера иной становится: нет крика, понуканий. Раньше к начальнику в кабинет не попадешь! А сейчас — дверь всегда открыта. Пришел водитель с жалобой — Звонов сразу вызывает мастера, решает вопрос тут же.

К концу года в таксопарк (ставший все-таки филиалом объединенного предприятия) зачастили комиссии — брали «на карандаш» любые отклонения от инструкций. «Нет «визиток» у водителей!». «Отсутствуют таблички с указанием времени работы!». Контрольно-ревизионная служба устроила проверку при выезде из города и представила Звонову двадцать актов на водителей; потребовала их наказать. «За что?». «Они выезжали из Иванова без специального разрешения». «Но ведь они везли пассажиров только до Тейкова. Это всего тридцать восемь километров. А по инструкции можно выезжать до пятидесяти». «А может, они во Владимир направлялись?» Наказывать водителей Звонов не стал. «Вы их покрываете!» В общем, свой первый «строгач» Сергей Николаевич уже заработал: за непринятие мер по устранению отмеченных недостатков.

И тогда Звонов, комсорг таксопарка Андрей Онипченко и инструктор обкома комсомола Дмитрий Белов отправились в Москву. Нет, не жаловаться и не просить снижения плана — «пробивать» идею индивидуального подряда: только он, по мнению Звонова, может выручить предприятие, помочь решить многие проблемы даже в нынешних трудных условиях. Таксопарк будет сдавать машины в аренду водителям. Установят твердую сумму отчислений, остальное пойдет в заработок водителю. В подробности я вдаваться не буду, но идея многообещающая. В объединении к ней отнеслись достаточно осторожно — ни за, ни против.

В Москве ивановцы пришли на прием к замминистра автомобильного транспорта РСФСР — заручиться хотя бы устной поддержкой. Звонов показал тетрадку с расчетами эффективности подряда. Замминистра тетрадку забрал и обещал помочь — прислать комиссию... Звонову же надо одно: чтоб хоть на полгода оставили его в покое, а то задержали комиссиями. «Не будет через полгода результатов — сам уйду...». Договорились на том, что комиссия придет не высказывать ошибки — помогать. А если найдет нарушения инструкций — не будет «тыкать в них носом» и указывать, как нельзя

работать, а посоветует, как можно.

В министерстве никаких методических рекомендаций по индивидуальному хозрасчету не оказалось, и ивановцы поехали в 21-й московский автопарк — адрес подсказали в ЦК комсомола. Начальник парка Владимир Гаврилович Цветков встретил коллегу со вниманием. Щедро поделился опытом, советами, дал всю необходимую документацию, даже согласился продать запчасть и чешский тахометр.

Потом съездили на АЗЛК, завязали контакты с комитетом комсомола автозавода. Есть надежда, что москвичи будут — на взаимовыгодных условиях — помогать с запчастями. Словом, Звонов активно ищет выход из трудной ситуации, и дело, кажется, пошло...

Твердую позицию в этом конфликте занимает Ивановский обком комсомола. Он поддерживает Звонова не из-за его молодости. «Дайте человеку возможность показать свои способности, осуществить планы, помогите так, как помогли бы другому новому руководителю» — такова позиция комсомола в отношениях с хозяйственниками. И поддержка обкома для Звонова значит немало.

В этой истории рано ставить точку и давать окончательные оценки. Время и конкретные дела покажут, кто был прав. Но проблема, как мне представляется, не в судьбе одного молодого человека — об этом я уже говорил вначале.

В так называемый «застойный период» считалось, что молодежь широко и активно участвует в управлении как производственной, так и социальной жизнью, располагает большими полномочиями и возможностями в этом плане. Комсомольцы имели своих представителей в Советах на всех уровнях, в профкомах, парткомах, различных комиссиях. Однако выдвигали туда молодых в основном по разнарядке, для поддержки требуемого процентного соотношения в выборных органах. Нередко анкетные данные имели большее значение, чем личные качества молодого человека: принципиальность, смелость, твердость в отстаивании своего мнения. Фактически молодежь обладала правом лишь голосовать за принимаемые «вверху» решения. Что ж теперь старшим сетовать на инфантилизм молодежи, если они сами воспитывали не творцов — послушных исполнителей?

Процесс демократизации закономерно стал выявлять молодых лидеров — личности яркие, нестандартные и не вписывающиеся в традиционные рамки, правила. Они не хотят начинать биографию в двадцать четыре года; они знают, что жизнь коротка и надо много успеть сделать. А старшим их претензии не по вкусу! Мы, мол, шли по жизни постепенно, соблюдая все «правила движения», субординации не нарушали и вообще «не высывались» — вот и вы знайте свое место. Может, я и преувеличиваю в чем-то, но все-таки не любим мы отдавать полки под команду молодых. Редкие исключения лишь подтверждают правило.

Евгений АЛЕЙНИКОВ

БИЛЕТЫ ЗА ПОЛНУЮ СТОИМОСТЬ

Время вносит свои коррективы в законодательство. Годы постепенно выявляют в нем недоговоренности, и издаются новые указы. А иные, напротив, устаревают или оказываются несостоятельными. Увы, формулировки статей Уголовных кодексов республик, предусматривающих наказание за уклонение от призыва в армию, звучат по-прежнему актуально. Не может быть и речи о том, чтобы снять этот вопрос с повестки дня, коль скоро находятся еще молодые люди, считающие обязанность готовиться к защите Родины обременительной и досадной помехой на жизненном пути.

Железнодорожный вокзал города Фрунзе напоминал в этот день раскаленный гриль: так же жарко и то же неспешное кружение. Вершила его масса прибывших, отъезжающих и провожающих, подчиняясь особой вокзальной механике. И в нарушение ее законов притихла, переминаясь с ноги на ногу, толпа призывников, чьи стриженные головы еще более молодили завтрашних воинов. Прически, — вот, пожалуй, и все, что есть у них пока общего, помимо дня отправки, такие они все разные... И каждый, наверное, думает: как-то оно там станет, куда забросит служба и какими они обернутся, эти 730 дней.

Скоро отправятся поезда... Этот последний эшелон призыва держит путь в Москву. А многие москвичи приедут на два года действительной службы сюда, в Киргизию.

Где-то здесь, недалеко от Фрунзе, между хребтами Таласс-Алатау и Киргизским — часть, в которой служил Вадим, сын моей дачной соседки. Все лето накануне призыва у Анны Николаевны только и разговоров было что о сыне. Хлопотала, «как бы Вадичку получше устроить», и без конца пыталась насчет знакомого отставного генерала, «не поможет ли материнскому горю»:

— Понимаете, у мальчика чрезвычайно тонкая, ранимая натура, и вся эта армейская грубость, бесполезная муштра не для него... Сердце кровью

обливается, когда подумаю, что с его руками будет. Вы полагаете, он вновь сможет играть после двухлетнего перерыва? Хотя бы его по музыкальной части определить, все полегче как-никак... Да только виолончели-то в полковом оркестре нет, будьте уверены...

Самое удивительное, что наше дачное общество, обсуждая Вадимовы перспективы, в большинстве своем как-то незаметно настраивалось на тот же сочувственный лад, будто речь шла по меньшей мере о рискованной экспедиции на Северный полюс. Женщины дружно охали, выслушивая словообильные сетования Анны Николаевны на невнимательность и бесчувственность медиков, так и не обнаруживших «законспирировавшуюся» Вадимову язву желудка, о существовании коей «догадывалось» чуткое материнское сердце, и мрачно-важно соглашались:

— Да-а, там-то она даст себя знать. Солдатские харчи, Ан-Николаевна, далеко не ваш кубанский борщ, парень привык к домашней диете, теперь туго ему придется.

Не знаю, право, как обошелся несостоявшийся студент консерватории без фирменного семейного блюда, но вернулся — не узнать в крепком, похорошему уверенном молодце, мастере на все руки того сторонящегося солнца («избыточная радиация чревата раком, знаете ли...») паренька, которого я встречал июльскими вечерами у родника с неполными ведрами. Он и улыбаться-то стал иначе, не так застенчиво и виновато... Ну, а мамин борщ, по его словам, ест с еще большим аппетитом:

— Чего там, макароны да перловка — не ахти какие деликатесы. И вообще армия не сахар, особенно поначалу. Но там как-то быстро худые поправляются, а толстячки худеют, честное слово, хотя и одинаково все едят вроде... Но не это главное; что такое дружба, я ведь так и не знал, сейчас это понимаю, а теперь у меня есть друзья. Вот я и говорю, армия — лучшее, что было в жизни! — запальчиво уверяет меня недавний старослужащий с присущей его возрасту категоричностью.

А я и не собираюсь с ним спорить. Но что с мамой его тогда не поспорил, сейчас, пожалуй, жалею... Впрочем, толку-то, все одно, не было бы, наверное. Неблагодарное это дело — отстаивать право детей на неподдельную, единственно стоящую жизнь у чрезмерно заботливых родителей. Они не понимают, что, создавая тепличные (в нравственном аспекте прежде всего) условия для вполне уже взрослого «ребенка», оказывают ему медвежью услугу. Крылатая суворовская фраза «Тяжело в ученье — легко в бою» на самом деле не просто аксиома воинского искусства, а прежде всего жизненная концепция. Потому что жизнь — это и есть «бой», борьба за принципы, знания, Родину, семью, хлеб насущный, идеи, целостность своего «я». А служба в армии для вчерашнего мальчика обоснованно считается едва ли не основным уроком (без которого трудно стать надежным защитником Отчизны и основательной опорой семье) того многолетнего «учения», имя которому, с другой стороны, та же жизнь. Так что, на мой взгляд, папы и мамы, берегущие сыновей от «бремени службы», поступают не столько в ущерб интересам страны, сколько во вред своим чадам, а значит, и себе.

Опека эта принимает порой необычные формы. Признаться, я был обескуражен, узнав об истории, приключившейся этим летом в сказочно-синих горах, обрамляющих Чуйскую долину: в ряды Вооруженных Сил призвали... дочь чабана из дальнего аула. Если верить документам, а не глазам своим. Ларчик просто открывается: дальновидный родитель почти двадцать лет назад «позаботился» о родившемся

джигите, зарегистрировав его как девочку.

Такие вот дела.

Но, по-моему, гораздо тяжелее приходится отцам, чьи сыновья «своим умом» приходят к выводу, что служба не про них. Каково отцу и сыну смотреть в глаза друг другу?

В истории Телека Темирова (здесь и далее фамилии лиц, понесших уголовную ответственность, изменены. — Е. А.) нет ничего примечательного, никакой изюминки. При рождении ему, как и его братьям, не отказали в принадлежности к сильному полу. Все шло до поры до времени как положено.

...Повестку на отправку ему вручить оказалось делом непростым.

Из показаний Т. Т. Темирова:

«Где-то в октябре милиционер привел меня в военкомат, я в это время сам хотел пойти туда, но не успел. В тот день был день рождения у кого-то, и я был выпивши».

Короче говоря, доставили, комиссию прошел, вручили «под роспись» повестку на отправку. Но не тут-то было.

Из материалов судебного дела:

«Темиров Телек Темирович на призывной пункт не пришел, из города скрылся, не сообщив в военкомат о месте своего нахождения. В течение года получил десять повесток, но в военкомат не явился».

Домашним он сказал: «Майор Гусев мне объяснил, что я зачислен в железнодорожные войска, но раз имею шоферскую профессию, меня пока в армию не возьмут, а оставят до особого распоряжения». Стоит ли пояснять, что вполне реальный майор никакого фантастического «особого распоряжения» не давал. Солгав раз, парень вынужден был лгать и дальше. После того, как представители военкомата не единожды побеседовали с его отцом, тот окончательно поссорился с сыном. И в суде свидетельствовал против него. Но до этого Телек ушел из дома и по документам младшего брата, студента, устроился грузчиком на комбинат.

Но сколь веревочке ни виться... Словом, получил двадцатилетний преступник год в колонии общего режима. А краснеть на суде пришлось его родным...

Два года назад в республиканской комсомольской организации Киргизии работала бригада ЦК ВЛКСМ, изучавшая состояние военно-патриотического воспитания молодежи и подготовку ее к службе в Вооруженных Силах. Был отмечен ряд серьезных упущений и недостатков...

Тогда же в Иссык-Кульской области выявили и преступную группу врачей, по родственным и финансовым соображениям помогавших уклоняться от призыва тем, «кто в бой не рвался». Сейчас ни о чем подобном ни слуху ни духу.

Можно приводить вчерашние факты, сравнивать с днем сегодняшним: положение меняется к лучшему. Но, сдается, такой анализ созвучен сакральной фразе: «В нашей столовой стали кормить еще лучше». Прав Жванецкий: что такое еще лучше, если уже было лучше? Хочу быть правильно понятым: в республике действительно многое сегодня сделано — уделяется достаточное внимание подбору школьных военруков, ликвидируются проблемы в знании русского языка, проводятся военно-спортивные игры.

Все это, несомненно, дела нужные и достойные самой основательной поддержки. В том числе и со стороны комитетов комсомола. Но организационные функции союза не должны превалировать над функцией воспитательной.

Самое тревожное не выразишь цифрами и диаграммами, это — отношение молодежи к армии. Оно отнюдь не ста-

Фото Евгения Степко

ло хуже или пассивнее, чем было некогда. Но сейчас все социальные институты, все наше общество решительно (пусть с пробуксовкой, но зато бесповоротно) двинулось вперед, и то, на что спокойно закрывали глаза вчера, ныне повод для беспокойства. И работая, пусть даже изо всех сил, но старыми методами, мы уподобляемся чемпиону по бегу, пытающемуся догнать какой-никакой, но все же автомобиль. Недаром же говорится, что перестройка — прежде всего перестройка сознания.

Как тут не вспомнить древнее изречение: «Врачу, исцелися сам». Для того чтобы успешно работать с молодыми, быть им партнерами, а не опекунами, отдельным комсомольским вожакам надо ломать сложившиеся представления. Молодежь лучше, чем порою кажется; просто она в значительной мере инертна, а значит, при столкновении с непредвиденным пасует.

Что касается умышленно и последовательно бегающих от армии, то вопрос этот надо рассматривать не в «плане военно-патриотического воспитания», а панорамно — что-то с этими юношами неладно вообще. Нельзя делить воспитание «по отделам» и валить вину за пренебрежительное отношение к данной проблеме на ответственных за тот или иной участок работы.

Заведующий отделом спортивной и оборонно-массовой работы ЦК ЛКСМ Киргизии Юрий Эхтов рассказывал о проводимых мероприятиях, и, как мне показалось, он и сам понимал: силами одного отдела задачи не решить, да и вообще подходить к ней надо с другого бока. Конечно, за инициативу в организации военно-спортивных лагерей комсомолу республики честь и хвала. Но все это где-то рядом, не совсем в «десятку», так сказать. Ведь лагерь для «трудных», а они охотно и в лагерь едут, и в армии на сверхсрочную остаются, только бы не домой (кто не в силах терпеть пьяные слезы родителей, кто хочет выпряться из затягивающего омуты «компании», а кого уже и участковый «достал»).

В апологии таких мер угадывается наша застарелая болезнь — упование на решение социальных проблем махом. При всей масштабности мероприятий не учитывается едва ли не важнейший аспект проблемы — религиозный. Больше всего хлопот — из-за отказа верующих (или псевдоверующих) служить, точнее, принимать присягу (в республике много баптистских общин, часть которых даже не зарегистрирована). Сдается, что атеистическое воспитание — ахиллесова пята «уклонизма».

Мне рассказывали историю о пяти братьях; все из одной секты. Когда пришла очередь служить старшему, он, как положено, явился в военкомат и в назначенный срок отправился в часть. Но принять присягу наотрез отказался (хотя, честно говоря, прессинг со стороны начальства был отчаянный). Через год пришел черед второго; присягу он принял, сражался в Афганистане, был ранен, домой вернулся с боевой наградой. И когда подошла очередь третьего, он не задумываясь, с какого брата брать пример. Не из-за боязни попласть под суд; суд совести строже. Всякое могло случиться, и если бы — не дай бог — остался второй брат в том ущелье у пакистанской границы, как бы тогда смотрел старший в глаза родным после двух лет службы в военно-строительном отряде? Так что касательно двух младших, еще пока школьников, у них сомнений нет: пойдут в танковые войска...

Кстати, в этой семье (они из переселенцев военной поры) до сих пор говорят по-немецки и знают, как переводится старинное германское «Lebenslüge» — «ложь всей жизни». Противопоставишь себя народу единжды, и путь один — вниз. Как тут не вспомнить героя повести Ч. Айтматова, дезертировавшего из эшелона, идущего на фронт и укрывшегося у обожающей его жены, которая не только осознает потом всю

низость поступка Исмаила, но и сама выдает мужа правосудию...

...Заведующий отделом пропаганды и культурно-массовой работы ЦК ЛКСМ Киргизии Джалалбек Балтагулов настроен благодушно: да, случается, что не хотят служить юноши, но бить в набат причины нет. Самое главное, по его мнению, что на проходах не принято нынче выпивать; вот, вспоминает он, пару лет назад пришлось участвовать в разбирательстве лихого инцидента, происшедшего в Закавказье: новобранцы перепилились и в поезде подрались на национальной почве. Вот это было да! А десяток-другой не желающих принимать присягу или попросту служить — это пустяки, выведенного яйца не стоит...

Странно мне было слышать, как комсомольский работник объясняет национальными традициями, вернее, их отсутствием, то, почему не всегда ладится служба у ребят коренной национальности: нет офицерских династий да и кочевники-скотоводы воинственностью сроду не отличались.

— Вся надежда на созданную недавно республиканскую специальную школу-интернат, что-то вроде суворовского училища. Со временем толк выдет...

Я все это слушал, а из головы не шли у меня сетования работников прокуратуры Киргизии, что на заседание специально созданного Координационного совета, контролирующего выполнение Закона СССР «О всеобщей воинской обязанности», представителя ЦК комсомола республики сколь ни звали, так и не дождались.

...Восточная пословица гласит: «Если скажешь сто раз «халва», во рту все равно слаще не станет». Может, поэтому и не стоит в сотый раз говорить о недостатках в работе республиканского комсомола и о том, что воспитание молодежи — дело заинтересованных, переживающих людей.

Спору нет, армейская служба дарит и чувство товарищеского локтя, и сáмый искренний, без бумажного пафоса патриотизм, и ощущение причастности к высокому призванию мужчины защищать Отечество. Но наряду с официальными боевыми и общевоинскими уставами действуют негласные, нарушение которых влечет за собой наказание, отнюдь не предусмотренные дисциплинарным. Деление на неофициальные категории — «смена», «кандедушки», «деды» — само по себе подразумевает наличие людей первого и прочих сортов, что недопустимо нигде и ни при каких условиях.

Конечно, институт поддержания порядка существовал в войсках всех времен и народов. Да и не только в армии люди с большим опытом естественно и оправданно становятся наставниками новичков. Но школа, в том числе и солдатская, нехороша, если неотделима от осторожного привкуса унижения, оборачивающегося затаенным ожиданием: придет мой час, тогда уж и возьму свое. Пора честно признаться, что дедовщина во многих подразделениях давно сложилась как цельная иерархично организованная система.

Но вот рассказы о ней демобилизованных солдат частенько напичканы отчаянными небылицами и преувеличениями, вызывающими кое у кого вполне осозаемый страхок: а вдруг не сдюжу? Малодушие может стать одним из мотивов «уклонизма».

Однако на откровенные уклонения решаются, по моему, лишь неграмотные в правовом отношении юноши или те, кто уверен: хуже худая не бывает, и максимум, что может им грозить, — это тот же призыв, но в стройбат. А попытка, мол, не пытка, почему бы не попробовать проскочить в очередной раз? А сказав «а», говорят уже и «б»...

«Отдельные должностные лица в нарушение ст. 21, 100 Закона не представляют своевременно военкоматам точные списки призывников. Такое положение сложилось во всех регионах республики. Невыполнение... требований способствует уклонению от воинского учета, призыву лиц, умышленно

уклонившихся от воинской обязанности».

На всякого мудреца довольно простоты. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30.07.85 «Об административной ответственности за нарушение правил воинского учета» дает возможность воздействовать на нерадивых начальников. Но указ не всем указ получается. Применяется он крайне редко. «В целом по республике органами местного военного управления направлены на рассмотрение административных комиссий материалы лишь (выделено мной. — Е. А.) в отношении 14 руководителей».

«Руководители учебных заведений допускают обучение (III—V курсы) студентов, которые должны быть призваны в ряды Советской Армии, не контактируют с военкоматами, без постановления на воинский учет отправляют студентов на сельскохозяйственные работы, а по приезду их вовремя в общежитие не заселяют, в результате студенты по 4—5 месяцев не берутся на учет. Кроме того, многие студенты проживают на частных квартирах, у родственников, не имея прописки, умышленно не заселяются в общежития, уклоняясь от летнего призыва. При постановке на воинский учет первокурсников установлены факты, когда некоторые студенты вообще не состояли на учете и не имели приписных свидетельств».

По всем правилам мне надо заключить цитату по меньшей мере тремя восклицательными знаками, обращая внимание на то, что потенциальные защитники Родины для соответствующих инстанций просто и не родились еще — куда там лукавому чабану с его немудреными изысками, вот уж воистину одиночка размахом не сравнится с ведомствами и министерствами.

При всем при этом «выпадение» студентов из заинтересованного поля зрения, как мне представляется, куда меньший повод для озабоченности, нежели выпадение из негласного студенческого кодекса чести некоторых абсолютных истин...

Нет необходимости проводить массовые опросы и анкетирования, социологические исследования и тому подобное, чтобы прийти к выводу: служба — не самая желанная альтернатива учебы для студенчества. Если уж на то пошло, весьма показательно уменьшение числа абитуриентов сильного пола, стремящихся попасть в вузы, из которых стали призывать в армию. Не сбросишь со счетов и проявляемый в последнее время интерес абитуры к наличию в институте военной кафедры. Иногда этот момент становится одним из определяющих в выборе вуза.

Как раз во время моей командировки во Фрунзе по местному ТВ транслировали из Алма-Аты выступление министра высшего и среднего специального образования страны Г. А. Ягодина; отвечая на вопрос: считает ли он «утечкой мозгов» практику призыва после окончания первого курса», Геннадий Алексеевич ответил, что «это абсолютная безвыходность, временная мера», а затем, расцифровывая свое отношение к этой мере, обронил фразу: «Они возвращаются инвалидами с точки зрения знаний». Так и сказал: инвалидами.

Позволю себе не согласиться с этим высказыванием; по моему, помимо определенного багажа сугубо армейских и узкопрофессиональных знаний, вчерашний солдат обладает еще внутренним чувством дисциплины в широком смысле, мастерством коллективно работать и быть социально активным, умением держать слово, заинтересованностью в самообразовании и здоровой конформностью (известно, что конформные реакции у мужчин ниже, чем у женщин); все это, безусловно, плюс в учебе, к минусам я отнес бы, пожалуй, лишь некоторую стереотипность мышления.

Другое дело, что разрыв между курсами действительно нежелателен, ибо практически сводит на нет два, а то и четыре семестра. Разумнее после вступительных экзаменов зачисленному на дневное отделение дожидаться

призыва и после службы не восстанавливаться, а попросту приступить к учебе с первого сентября и не расставаться со своими сокурсниками до госэкзаменов. Или — кажется, в некоторых странах это принято — допускать до приемных комиссий только отслуживших, вернее, тех, кто по тем или иным причинам служить срочную уже не будет. Пора установить какое-то единое правило. А то эти положения варьируются из года в год, вызывая конкурсную чехарду во время поступления и нервозность из-за расплывчатости студенческого статуса.

Я уверен, что непопулярность армии среди части скептически настроенных студентов — от нежелания «марать руки», страха не перед ратным, а вообще перед всяким трудом. Учеба при нынешнем минвузовском уровне требований — не самое обременительное занятие.

В начале нынешнего учебного года на встрече выпускников факультета моя бывшая сокурсница познакомила меня со своим младшим братом — первокурсником нашей с ней alma-mater. Рыжеватые брови и эта манера рубить воздух ладонями во время разговора — вылитая копия сестры. То ли сработал «эффект вагонного купе» — вряд ли мы с Андреем еще свидимся, — то ли по какой другой причине, но был он со мной откровенен, когда зашла речь о грядущем призыве:

— До последнего буду бороться! Если отсрочку по семейным обстоятельствам пробить не сумею, придется идти на крайнюю меру — дружок научил, как заболеть «желтухой». Конечно, с болезнью Боткина придется в больнице повалиться, но все лучше, чем два года терять. Что значит «терять»? Да то и значит, что пока другие, кто подсуетился, будут диплом зарабатывать и связями обзаводиться, мне придется в грязи барахтаться. А то еще зашлют... (многозначительная пауза) сам знаешь куда. О чем вообще речь, армия — не подарок, кто не знает об этом, кроме «деревни»...

Вспомнил я его монолог не раз. И когда комиссар Первомайского РВК г. Фрунзе в сердцах воскликнул:

— Да в моем родном украинском селе хлопек со стыда сгорит, если его в армию не возьмут!

И когда при подготовке материала о встрече боевых товарищей узнал о незавидной участи симулянта, по немудреному рецепту «заработавшего» тяжкий недуг и скончавшегося в военном госпитале бесславно и трудно. (Ребята вспоминали о нем без презрения, но с оттенком брезгливой жалости, в семье, мол, не без уродца.)

И когда встречал сына моей дачной соседки.

И когда стоял в раскаленном зале Фрунзенского железнодорожного вокзала, провожая вместе с другими новобранцев весеннего призыва 1987 года.

...Несколько лет назад в Москве среди многочисленного семейства «неформальных» объединений появилась чехлая сестрица — группа пацифистов. Проповедовали они одну-единственную добродетель — ненависть к оружию. Что, впрочем, не мешало им до крови мордовать своих ненавистников — спартаковских болельщиков и поклонников «тяжелого рока». Они в военкоматах забывали о своих высоких принципах, зато вспоминали о несуществующих болезнях.

Скоро отправятся поезда... И начнется отсчет солдатским будням, в которых будут и новые города, и дороги, и праздничность присяги, и нелегкое ратное дело, и до обидного стремительный отпуск, долгие марш-броски и долгожданные письма, непременно торжестве приказов, и, наконец, возвращение.

...Уходят с вокзала поезда с новобранцами. И те, кто, словив, получил так называемый белый билет, не смеют равнять его со счастливым лотерейным.

Идут поезда. И возвращаются.

БРАТ МИЛОСЕРДИЯ

Валерий ГУРИНОВИЧ,
Леонид ПЕРЛОВ
Фото Альберта ЛЕХМУСА

Для поступления в первый класс средней школы Косте потребовалось специальное разрешение Министерства просвещения республики.

Для поступления в институт — подпись министра высшего и среднего специального образования СССР.

Для прохождения армейских сборов ему пришлось обратиться в Министерство обороны.

Сейчас восемнадцатилетний Костя Славин — студент 6-го курса Азербайджанского медицинского института имени Н. Н. Нариманова.

Молодые хирурги из клиники Научно-исследовательского института нейрохирургии имени Н. Бурденко АМН СССР уговаривали остаться. Предстояла уникальная операция, и, возможно, ему удалось бы присутствовать на ней. Но дома ждали дела, поэтому Славин от заманчивого предложения отказался. Ребята, прощаясь, сказали: «До встречи, через год у нас будешь...» «Не смотрите», — улыбнулся он и постучал по дверному косяку.

Потом шел по длинному коридору клиники, по дорожкам больничного парка. Шел, вспоминая отчего-то свой давнишний, первый приход сюда. Это сейчас он вполне сходит за «своего» здесь, в знаменитом НИИ нейрохирургии, а тогда многие с нескрываемым удивлением смотрели на 14-летнего подростка, облаченного в белый накрахмаленный халат. Студент-медик из Баку? Недоуменно вскидывались брови, губы растягивались в ироничной улыбке...

Впрочем, он к такому привык. Еще в ту пору, когда пятилетнего Костика привели в Бакинский институт усовершенствования учителей (он там должен был сдать экзамен, чтобы стать первоклассником), ему уже знакомо было несколько наигранное изумление взрослых при точных ответах на в общем-то несложные вопросы.

— Почему сначала зима, потом весна, лето и снова зима?

— А почему сначала ночь, а потом утро? — ответил Костя.

Один из экзаменаторов взял ручку, лист бумаги. «Я нарисовал квадрат», — сказал он. «Не квадрат», — поправил Костя, — параллелограмм».

...Из аэропорта он сразу же позвонил в больницу.

— Сегодня дежуришь, — сказал Михаил Меджидов. Помолчав, хмыкнул: — Какая погода в Москве?

— Дождит...
— А у Бурденко?
— Там «солнечно».

Они понимали друг друга с полуслова — учитель и ученик, нейрохирург и медбрат реанимационного отделения республиканской хирургической больницы, или, как все тут ее называют, нейроцентра. Позже, когда мы познакомились с Михаилом Рашидовичем, спросили:

— А не жаль расставаться с Костей?..

Дежурства, лекции, операции — дни насыщены до предела.

— Жаль, — просто ответил Меджидов. — Но он вернется сюда, как птица в родное гнездовье, только размах крыльев другой будет...
Пройти клиническую ординатуру в орденосном институте, созданном в 30-х годах основоположником советской нейрохирургии Николаем Ниловичем Бурденко, — какой будущий врач не мечтает об этом?

Раз уж мы коснулись мечты, заметим: к ней надо быть готовым. Франгиз Мирзоевна, мама нашего героя, рассказывала:
— В одиннадцать лет, восьмиклассником, Костик прочел «Молекулярную генетику» Стента и Кэлидара, а буквально за месяц до этого вместе с отцом побывал в Ленинградском военно-медицинском музее. Эти два момента, пожалуй, и определили его интерес к медицине. Хотя... помню, в детском саду одной из любимых его книг была

Славинной, — стать стюардессой. Любовь, доброта, доверие — этим прочна семья Славиных. Они заядлые путешественники, коллекционеры, книголюб. Часто ли встретишь в наше суматошное время семейное чтение вслух? А здесь читают. Вечером, при настольной лампе... Любят шахматы; страстные, как и все бакинцы, большишки Каспарова.
Обычная семья? Но майор Славин знает французский язык, самостоятельно изучает японский. Дипломированный инженер, он нынче заканчивает

истфак Ленинградского университета. Мама увлекается живописью, музыкой, национальной кухней. Костя уже сегодня — один из серьезнейших филателистов республики, обладатель уникальных коллекций «Медицина», «Советская живопись». В Нью-Йорке, Филадельфии, Бостоне, встречаясь с тизнейджерами, младший Славин обходится без переводчика.

Костя был в США в составе делегации КМО СССР. Его поездке предшествовало конкурсное выступление на тему «Мир. Космос. Молодежь» в международном дискуссионном клубе.

— ...Я будущий врач, — говорил Славин, — и хочу привести здесь пример из близкой мне области человеческих отношений. Во время пресс-конференции сопредседателей движения «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» американского профессора Бернарда Лауна и академика Евгения Чазова с одним из тележурналистов случился сердечный приступ. И тогда оба врача — американец и русский, — скинув пиджаки, стали «оживлять» человека. Они спасли ему жизнь. Я думаю, что только совместными усилиями мы, молодые русские и американцы, плечом к плечу, как наши деды на Эльбе в сорок пятом, можем спасти будущее человечества...

Семьдесят восемь часов в месяц он работает в реанимационном отделении нейроцентра медбратом. Те, кого он помогает спастись, не знают его в лицо. Он помнит каждого. Они для Славина — не «клинический случай», а люди, требующие заботы и милосердия.

Он — брат милосердия.
...Клиника на взгорье будто приподнята над оживленными бакинскими улицами. Бетон и стекло. Цветы, зе-

«От головы до пят» — о том, как «устроен» человек.

Гены, семейная традиция? Франгиз Мирзоевна Славина — инженер-химик; Владимир Леонидович — офицер Советской Армии, политработник; Леонид Львович, дед Кости, — строитель. Голубая в прямом смысле мечта Аринки, двенадцатилетней

лень, солнце. На верхнем, пятом этаже клиники — отделение реанимации.

— В старину больного на гору поднимали: считалось — если выживет, заново, значит, родится, на землю второй раз ступит. Красивое поверье. — Нейрохирург, главный врач клиники Р. С. Гасанов смотрит в узкое, похожее на бойницу окно. — Так вот, Костя Славин помогает возвращать людям жизнь.

— Но бывает, что не всегда...
— А вы как думали? — Руфат Салимович резко мнет сигарету. Потом, помолчав, тихо говорит: — Жаль бывает парнишку. Тут иногда и взрослый мужчина не выдерживает напряжения — боль, страдания, смерть... А он молодец, не скидает. Из него толковый, крепкий человек выйдет.

— А хирург? — поинтересовались мы.
— Да взгляните на руки его — кисть, пальцы какие! Прирожденный хирург. Старшая медсестра отделения Т. Ш. Гейдарова, она присутствовала при нашем разговоре, добавила:

— У меня тут четверо ребят из мединститута. Ничего не скажу, старательные. А все же Костя — первый среди них. Довериться ему можно... Я тридцать лет в больнице — всяких работ-

ников видела. И, по мне, тот хорош, кто дело ищет, любит, а не тешит себя им...

Накануне мы были со Славиним на дежурстве. Просторная, бьющая в глаза белизной палата. В центре — пульты, дисплеи. Восемь специальных респираторных колек, над каждой — монитор интенсивного контроля.

Костя у кровати двухлетнего Арифа: «Потерпи, маленький, потерпи». Поит его из ложечки. Тихо переговариваются медсестры. Дежурство выдалось спокойным. Ничего экстраординарного, никаких ЧП. Но и в этом спокойствии ощущалась готовность мгновенно отреагировать на любую неожиданность, на ситуацию, когда секунды решают буквально все.

Знали мы, что Славин — член бюро ЦК ЛКСМ республики, член институтского комитета комсомола, занимается шефской работой. Но, честно говоря, думали — поручения для «галочки». Ведь сколько раз сталкивались: хороший студент, у всех на виду — вот его и избирают дружно. Но быть «бумажным активистом» не в характере Славина. В этом вскоре убедились и в институте, и в ЦК комсомола. Он выступал резко, затрагивая самые острые вопросы, о которых вчера еще было «не принято» говорить вслух.

— Ученый совет — штаб института, где переплелись интересы практики, науки, учебы. А все решается без нас, без студентов. Почему? Или взять шефскую помощь. За нами закреплены шесть школ и Дом ребенка. Ну, бывали мы там, а что конкретного сделали? Разговоры одни...

Не Славин, другие рассказали нам, как он, возглавив в комитете комсомола шефскую работу, организовал в школах медико-педагогические отряды, как Дому ребенка на деньги, заработанные во время трудового семестра, студенты купили «Москвич».

Так совпало, что списки поступивших на лечебный факультет АМИ вывесили 20 августа — как раз в день его рождения.

— Я смотрел в эти списки и все никак не мог поверить. Кто-то легонько обнял меня за плечи: «Не дрейфь, малыш, Боткиным будешь...»

— Первокурсники тебя сразу признали?

— Конечно, сначала чувствовал себя неловко. Но не подстраивался... Смешно сейчас вспоминать, но после лекции несся по институтским коридорам, как в школе на перемене... А однажды после экзамена чуть не расплакался.

Профессор Караев вспоминает о том случае:

— Костя стоял в стороне от всех, отвернувшись к окну. Бледный, губы сжаты. Я спросил: что случилось? Не сдал химию? Четыре поставили, говорит. А я на пять знаю. Ладно, подумал, стоит поубавить в пареньке задиристости, а то и впрямь вундеркиндом себя считает... При мне экзаменатор минут сорок «гонял» его по всему курсу — чистая пятерка.

В полтора года складывал слова, в два с небольшим свободно читал, в пять — первоклассник, в тринадцать — первокурсник... Тринадцатилетний студент! Сенсация! Газетный бум! Ворох славословий, а порой и нелепых, наивных вопросов — всего этого было в достатке у Кости... Как, впрочем, и у других юных талантов — Жени Кисина, Леша Репина, Ники Турбиной... Да и рядом со Славиним, на том же факультете, учится шестнадцатилетний пятикурсник Мушви́г Керимов, паренек из дальнего азербайджанского села. А нынче вот и среди нас, журналистов, появился феномен: на первом курсе журфака МГУ занимается тринадцатилетний Данила Пигилов.

Физиологи утверждают: в первые два года малыши познают больше, чем за всю последующую жизнь. Мозг ребенка интенсивно развивается и уже к трем годам достигает 80 процентов веса мозга взрослого человека. Вот этот-то период и нельзя упускать: «зарядка»

мозга должна быть насыщенная, ему необходимо постоянно получать и перерабатывать информацию.

Славин к ажиотажу вокруг своего имени относится с достаточной долей иронии.

— Я рос нормально. Гонял на велосипеде, дрался с мальчишками, знал все проходные дворы... Просто и мама, и отец считали меня личностью, а это очень важно. Кубики, географические карты, игры, книги — все формирует ребенка. Но главное — доброта и понимание окружающих. Я не был обделен ни тем, ни другим.

Меньше всего нам хотелось, чтобы у читателя сложилось представление о Косте Славине как о баловне судьбы, «везунчике». Он учился в обычной школе. С ним не занимались репетиторы, его не готовили в гении... Он сам готовил себя к жизни — сложной и яркой. Он пользовался теми же правами и преимуществами, что и тысячи других наших детей. Но — чуть больше ответственности.

У Бориса Слуцкого есть строчки: «У всех мальчишек огромные планы. Они

меха в апробированной, обкатанной общеобразовательной системе. Вспомним, сколько начальственных подписей требовалось да и нынче требуется Славину».

В порядке исключения... Задумаемся: а может, сейчас, на пороге двадцать первого столетия, пора бы «исключению» стать закономерностью?

Мы спросили Костю, видел ли он фильм «Легко ли быть молодым?». Что запомнилось, привлекло? Славин задумался.

— Один парень снимает фильм. Другой работает в морге, третий идет в пожарники. Девчонка хочет стать манекенщицей. Ребята ищут себя. Они хотят учиться жить даже на ошибках. Мы говорим: свобода — осознанная необходимость. Но, чтобы осознать эту необходимость, нужно быть действительно свободным человеком — без поводка, короткого или длинного, тут разница небольшая... «Афганцы» запомнились — это настоящие люди. Пусть не все гладко складывается у них, но есть стержень в душе, вера, идеалы. Они близки мне...

Для сестры Аринки, товарищей по институту Костя — просто веселый парень...

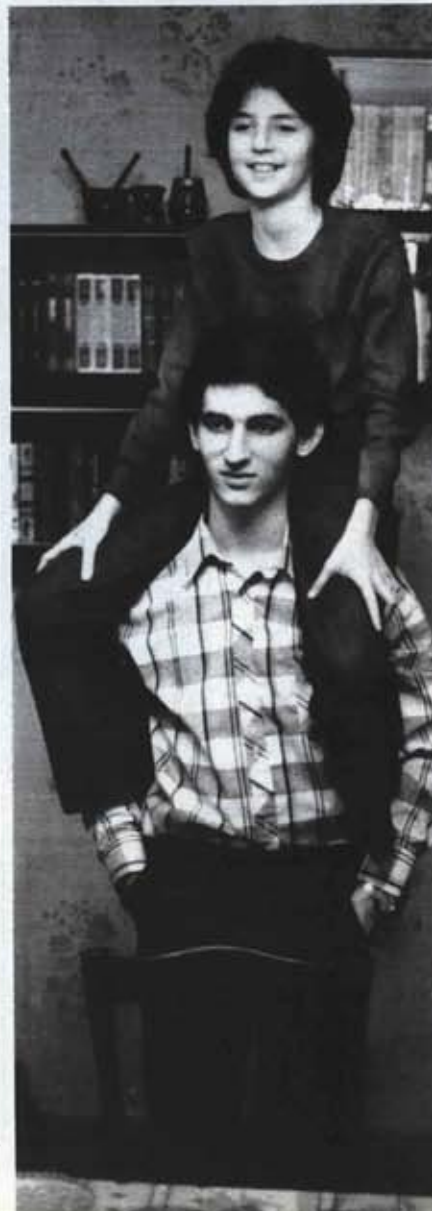
сокращаются с годами. У кого много. У кого немного. У самых счастливых ни на йоту».

Нет, Костя Славин не баловень судьбы, не «везунчик». Он просто счастливый человек.

Педагогика сотрудничества — это и о школе, и о семье, и об обществе. Это о нас с вами, о нашем отношении к маленьким гражданам. Уходит в прошлое силовое давление авторитарного руководства, столь милое минпросовским чиновникам. В какую графу отчетности вписать Костю Славина, Нику Турбину, Данилу Пигилова? Ведь нет, увы, такой — «счастливые люди».

А скольких мальчишек и девчонок, обогнавших свой возраст, мы так и не узнали лишь потому, что различные РУНО и ГУНО загодя согласно инструкциям запланировали их детство.

Сегодня мы прямо говорим о педагогических просчетах и победах. Есть Шаталов, Ильин, Лысенкова, Амонашвили, Волков, Щетинин. Есть классы «шестилеток», где ребята «играют» в таблицу умножения. Но никуда не делись, не перевелись и те, для кого школьная процентомания — привычный, удобный образ жизни. Они мыслят «масштабно». «Индивидуальная работа» воспринимается ими лишь как удачная формулировка. Для них такие, как Костя Славин, досадные недоразумения, по-

Фильм этот обошел экраны страны. Споры вокруг него уже утихли, мнения вроде бы пришли к единому знаменателю: да, плохо мы знаем молодых — не только встречаем, но и провожаем по одежке. Помните: «Нас учат, наставляя ют, до восемнадцати лет мы ничего не понимаем, мы дураки. А может быть, мы и сами кое-что заметили, кое-что поняли и можем сказать нечто такое, чего взрослые не замечают?»

Зряшное это занятие — проводить параллели. Но поверьте: Константину Славину и его друзьям тоже нелегко быть молодыми, талантливыми, советскими. И тут случается частенько, что взрослые «не замечают». Или не хотят замечать, отворачиваются поспешно от того правдивого, режущего глаз, душу, что подметили их дети и внуки.

Судьба Кости необычна в глазах взрослых, а не его друзей. Юля Кот, Лейла Шахгельдиева, Азад Самедов, Эюб Атаев не считают способности Кости чем-то сверхъестественным. Ленинский стипендиат? Так и они, студенты АМИ, получают «повышенную», и в их зачетках хватает пятерок. Как и Костя, все они члены институтского комитета комсомола, общественники не для «галочки» — по душе своей, по характеру готовы взять на плечи больше «положенного». Они ценят искренность и дружбу, и их коробят лицемерие, ханжество, несправедливость.

Медицинский институт, пожалуй, самый престижный в Баку. И мы поняли Костю, когда он заметил: я не из «генералов» — из рядовых. Не будем сейчас говорить о протекциях, взятках — этого в иных бакинских вузах хватало. Закрылся институт народного хозяйства, многие преподаватели со степенями, с громкими титулами были вынуждены уйти из политеха, университета, нефтяного, педагогического...

Не в вакууме, не за «высоким забором» росли ребята. И не только по учебникам постигали жизнь. Знали они и о тех, кто на человеческом горе строил себе дачи, покупал лимузины. Знали, сколько берут за ту и за иную операцию, во что порой обходится бакинцам «бесплатное лечение». И как здорово, что сумели — успели! — воспитать в себе иммунитет против этих нравственных метастазов.

Ветер обновления не миновал и медицинский институт. Уже в прошлом году три четверти поступивших — из тех, кто поработал в больницах и поликлиниках, кто вплотную столкнулся с человеческой болью и страданием, кто хоть в малой мере научился сострадать этой боли.

Профессор, доктор медицинских наук Я. Д. Мамедов работает ректором АМИ пятый год. Славина он знает, конечно, хорошо. Но не только потому, что Костя — институтская, республиканская «знаменитость».

— Отличный студент. Думающий, самостоятельный, внутренне определившийся. Последнее очень важно. Вот характерная деталь: я как-то предложил ему остаться на кафедре патологической анатомии, у меня. А он отказался. Мягко, тактично, но отказался: четко нацелен на нейрохирургию. Здесь мне видится и определенное мужество — мужество принять решения. И это — в восемнадцать лет. Мы постараемся помочь ему продолжить учебу в клинике Бурденко...

Мы стоим возле входа в ректорат на террасе, обращенной к морю. Ниже — контур огромных темно-красных крыльев. Кажется, птица вот-вот взлетит, сделает круг над корпусами института, над городом и устремится к Каспию. Там, над волнами, ее стихия. Но нет, птица из металла застыла над Вечным огнем — памятником погибшим воинам. От этого Огня начинают свой путь будущие врачи. Здесь произносят они клятву Гиппократова: «...Чисто и непорочно буду я проводить свою жизнь и свое искусство. Мне, нерушимо выполняющему клятву, да будет счастье в жизни и искусстве и слава у всех людей на вечные времена...»

Лорен Айзли (1907—1977) — замечательное явление не только в американской, но и мировой литературе. Он представляет собой редкое сочетание большого ученого и высокоодаренного, ни на кого не похожего художника слова. Научное признание пришло к нему много раньше литературного: Айзли слишком оригинален, самобытен, его нелегко уложить на какую-нибудь полочку, что так любят критики. Он не имеет ничего общего с другими писателями-учеными, вроде американца Азимова или нашего Ефремова, его не повяжешь ни с Брэдбери, ни с Обручевым, он сам по себе, король в царстве своем. Антрополог, натуралист, эссеист, поэт, он родился и провел детство в штате Небраска, суровая природа которого запечатлена им во многих философских этюдах. Свою писательскую деятельность он начал в 1946 году, выпустив по сей день переиздающийся сборник эссе «Дальняя дорога», главная тема которого — эволюция жизни на Земле. Последовал еще десяток сборников, в которых писатель показал себя не только продолжателем

в XX веке гуманистических традиций Ралфа Уолдо Эмерсона и Генри Дейвида Торо, но и выдающимся стилистом, не признающим предшественников.

Переводчик предлагаемых вниманию читателей эссе Дмитрий Брецинский, русский по происхождению, родился в Китае, где жили его родители. Высшее образование получил в США, там же и остался работать. Он литературовед, своей специальностью избрал древнюю русскую литературу. Все его исследования публиковались в научных записках Пушкинского дома в Ленинграде и принесли ему степень доктора философии. Он профессор русской литературы университета Пурдю в городе Лафайете. Его жена З. Брецинская, профессор того же университета, возглавляет новую, расширенную программу учебных курсов для американских студентов в СССР. Д. и З. Брецинские принадлежат к тем заокеанским ученым, которые отстаивают всемерное расширение научных, культурных и просто человеческих связей между США и Советским Союзом.

Юрий НАГИБИН

Лорен АЙЗЛИ

ТЕЧЕНИЯ РЕКИ

Если есть чудеса на этом свете, то заключаются они в воде. Малейшее ее колебание — вот как теперь в дождевой лужице на плоской крыше напротив моего кабинета — вызывает во мне живейший интерес, ставляя то и дело подбегать к окну. Как знать, может быть, рябь от ветра вот сейчас претворится в жизнь. Меня не покидает чувство, что когда-нибудь я стану свидетелем знаменательнейшего чуда, происшедшего на городской крыше: увижу жизнь, в буквальном смысле слова внезапно возникшую из кучи ржавых труб и старых телевизионных антенн. Я всегда удивляюсь внезапному появлению жучка-плавунца, проделывающего свои подводные маневры среди островков зеленых водорослей. Разряженные испарения, ржавчина, мокрый асфальт и солнце — это перегонный куб, удивительно похожий на ум. Они отбрасывают осязаемые тени, которые угрожают облечься в плоть, когда никто не смотрит.

Может быть, только раз в жизни удастся нам настоящему сбросить с себя оковы плоти. Раз в жизни, если повезет, мы настолько сливаемся с солнцем, воздухом и проточной водой, что целые зоны — те самые, которых ведают горы и пустыни, — могут пройти в короткие послеобеденные часы, не причиняя неудобства. Ум плывет и просачивается к своим истокам среди древних корней, теряясь в смутном журчании и движении, от которых неживая природа начинает шевелиться. Как и в сказке об очарованном круге, в который человек однажды вступил, а по выходе из него узнал, что за одну ночь прошло целое столетие, тут кроется некая неразгаданная тайна; но связана она — в этом я не сомневаюсь — с обыкновенной водой. Водная субстанция проникает всюду: она касается прошлого и подготавливает будущее; она двигается под полярными шапками и рассеяно блуждает в заоблачной выси. Она может принимать уточненно-совершенные формы снежинки или же обглаживать живое до одинокой отшлифованной кости, выброшенной морем на берег.

Много лет назад во время научных изысканий в далеком западном краю мне случайно пришлось испытать как раз то самое странное поглощение водой — своего рода растяжение телесных очертаний при помощи космоса, — на которое я намекал. Вряд ли вы когда-либо ощущали в себе извилистые истоки целого речного бассейна или же каким-то шестым чувством касались вытянутыми пальцами ледниковых ручейков снеговой границы, протекая в то же время через

обломки размытых гор к Заливу¹. Поэт Макнайт Блэк писал о том, что «окрылен... водами, охватывающими полюса». Ему были знакомы подобные ощущения, которые отнюдь не уникальны, хотя и встречаются достаточно редко. И та самая повышенная восприимчивость, какую испытывают люди, когда приставляют к уху морскую раковину, вызывает у них лишь улыбку, когда в ней признается профессор-книжник. Положение усугубляется еще и тем, что вследствие психической травмы, перенесенной мной в детстве, я плавать не умею и обычно робею при виде водных просторов. Возможно, именно это обстоятельство по-своему и способствовало тому, что я тогда пережил.

Покидая Скалистые горы и устремляясь через плоскогорье к Миссури, река Платт являет собой любопытное зрелище. При весеннем разливе, бывает, она превращается в бурный разрушительный поток шириной с милю, сносящий фермы и мосты. Как правило, однако, это блуждающий, рассеянный ряд ручейков, беспорядочно пересекающих огромные конусы песчаного и гравийного выноса, которые являются отчасти остатками более могучих потоков ледниковой эпохи. Плывуны и кочующие острова стерегут ее воды. Солнце прерий безжалостно печет ее летом. Река Платт «шириной с милю, глубиной с дюйм» — убежище для любого странника, размеренного жарой у ее берегов. В первую очередь это относится к району плоскогорья, минуя который река начинает свой далекий пробег мимо городов.

Причина, почему я набрел на нее тогда, продираясь сквозь заросли тальника, где вода была мне по щиколотку, к тенистой доне, не имеет отношения к этой истории. Преследуя различные научные цели, я исходил тот край вдоль и поперек и знаю, что за кости всплывают с булькающим звуком в гравийных насосах и что за наконецники стрел из блестящего халцедона вымывают подчас из размоченного песка. В тот день, однако, вид неба, тальника и извивающейся водной сети, тихо журчащей в заводях по пути к Заливу, посеял во мне, распаренном долгой ходьбой, неожиданную мысль: поплыть. Поплыть и испытать незабываемое приключение.

Вероятно, мысль пришла мне не сразу. Я разделся и с удовольствием барахтался в углублении среди камыша, когда непреодолимое желание растянуться и предаться нежно-настойчивому течению стало понемногу мной овладевать. Загорелому и смелому представителю нового поколения моя попытка перебороть

свою робость, стоя в воде по колени, может только показаться смехотворной, но мне тогда было не до смеха. Несчастный случай в детстве, когда я чуть было не утонул, окрашивал мои эмоции. Вдобавок к тому, что плавать я не умею, эта «речушка глубиной с дюйм» была коварна, изобиловала воронками и плывунами. Смерть блуждала рядом с ней вдоль призрачных ее русел. Как и на всех пустынных участках подобного типа, где ни вода, ни суша не преобладают, ее заросли были безлюдны и неисхожены. Случись там с человеком беда, он взывал бы о помощи напрасно.

Все это пронеслось у меня в голове, пока я тихо стоял в воде, чувствуя, как песок вымывается у меня из-под ног. Тогда я лег на спину и оттолкнулся от берега. Небо закружилось над моей головой. В то мгновение, когда меня, как пробку, выносило в главное русло, у меня было такое ощущение, словно я скольжу вниз по огромной наклонной поверхности материка. Именно тогда я и почувствовал в пальцах леденистые уколы высокогорных родников и тепло Залива, влекущего меня на юг. Вместе со мной, оставляя солоноватый привкус во рту и исходя подо мной танцующими брызгами песка, двигался весь необъятный массив материка — песчинка за песчинкой, гора за горой — к морю. Я струился по древним морским ломам, взброшенным вверх — туда, где некогда резвились гигантские пресмыкающиеся. Я снашивал лицо времени, увлекая за собой в небытие увенчанные облаками горные цепи. Я касался своих пределов с чуткостью рачьих щупалец и чувствовал, как огромные рыбы скользят мимо меня, плывя по своим делам.

Меня несло мимо севших на мель деревьев, поваленных бобрами в горных тайниках; я скользил над заводами, в которых были захоронены поломанные оси фургонов и кости мамонтов, завязших в трясине. Живой, я струился сквозь горячий, животворящий фермент солнца или же сочился еле заметно через тенистый кустарник. Я стал водой, превратясь в сказочные алхимики, которые созревают и принимают в воде форму, в те комочки болотной слизи, которые под огромным увеличительным стеклом солнца начинают вдруг извиваться и всплывают к поверхности громадными усатыми рыбьими ртами или же незаметно погружаются обратно в тину, из которой вышли. И черепаха, и рыба, и бисерный стрекот отдельных лягушек — все это водные проекции, стуски, каким

является и сам человек, того неопишмого водянистого варева, состоящего из соли, солнца и времени смешанных в разных пропорциях. Оно облекается в разные формы, но в основе его лежит вода. И так как течение тихо прибило меня наконец к песчаной отмели и оставило там как обыкновенное бревно, я встал, пошатываясь. Вновь познал я бунт тела против выхода в суровый, лишающий его опоры воздух, его нежелание покидать родную стихию, которая по сей день, столько лет спустя, дает приют и жизнь девяти десяткам всего живого.

Что же касается людей, этих несметных полчищ обособившихся малых прудков, кишачих своей собственной корпускулярной жизнью, то не являются ли они лишь попыткой воды выйти за пределы речных русел? Сам я не что иное, как микрокосм струящихся ручейков и плавника, терзаемый призраками собственного воображения. Я на три четверти состою из воды, которая поднимается и спадает в такт глухому стуку в моих жилах — микроскопическому пульсу, похожему на тот бесконечный пульс, который поднимает Гималаи, а в следующую систолу их сносит.

Вглядываясь в изумрудных щук, плавающих в Уолденском пруду², Торо со свойственной ему проникательностью назвал их «одушевленной водой». Располагая он геологическими знаниями, накопленными с тех пор кропотливейшим трудом, то, вероятно, пошел бы еще дальше и не без улыбки приметил в обыденном рокотании и трезвоне некоторого рода лягушек, очень тешивших его своим столь неистовым поведением, отзвуки тех темных подспудных сил, которые воздымают морское дно, превращая его в горные вершины. У него мог бы развиться тонкий внутренний слух,

позволивший бы ему улавливать шум прибоя на взморьях Мелового периода, где ныне колыхается канзасская пшеница. Во всяком случае, следя за раскручиванием долгой нити жизни ее следопытами, он бы увидел, что его одушевленная вода меняла свой очертания зон за зоном, покорствуя биению темного тысячелетнего сердца земли. В болотах низколежащих материков процветали, достигнув своего зенита, земноводные; а когда материки снова стали медленно подниматься — изостатическая реакция земной коры, — последовало повсеместное похолодание, и эпоха травянистых растений и млекопитающих вступила в свои права.

Несколько лет назад, хорошо защищенный от зимних холодов теплой одеждой, я прошелся несколько миль вдоль одного из притоков той самой реки Платт, по которой однажды спустился вплавь. Окрестность была пустынная и скованная льдом. Ручейки замерзли, а в низинах заросли тальника создавали такую

перспективу уходящих вдаль вертикальных линий на фоне снега, что у пробивающегося сквозь них путника рябило в глазах и кружилась голова. На краю заморозившей заводи я остановился и протер глаза. У моих ног, где пронизывающий ветер прерий очистил лед от снега, виднелось нечто странное, отдающее зеленью. Ошибиться было невозможно.

Огромная знакомая морда с беспомощно разбросанными усиками, замороженная намертво в подернутом рыбью льде, глядела на меня пучеглазо. Это был один из тех сомов, любящих зарываться в желтоватую мусть обитателей извилистых русел, которые плавали вокруг меня и подо мной в день моего всепоглощающего путешествия. Кто его знает, что за пронизанный лучами солнца сон заставил его продолжать махать плавниками, пока температура стремительно падала и его чеширская³ улыбка медленно застывала. А может быть, он случайно оказался в перегороженном рукаве и просто продолжал плавать, пока лед его не сковал. Как бы то ни было, он застрял там надолго — до весенней оттепели.

Я уже собрался было идти дальше, но что-то в его грустной усатой морде кольнуло меня, а может быть, это река взывала к своим детям. Я предпочел, однако, назвать это наукой — удобным разумным словечком, которое приберегаю для подобных случаев, — и решил вырезать рыбину из льда, чтобы отвезти домой. Зажарить я ее не собирался. Просто мне в голову вдруг пришла мысль испытать живучесть рыб плоскогорья, особенно рыб такого типа, которые замуровывают себя в бескислородных прудах или пересыхающих старицах, заметанных снегом. Я вырезал ее в куске льда как можно осторожнее и бросил в ведро для коллекционирования, которое держу у себя в машине. Затем мы отправились домой.

К сожалению, начальную стадию удивительного воскресения я упустил. Продрогший и уставший с дороги, я отнес ведро с талой водой и льдом в подвал, предполагая плавающей там труп назавтра либо выбросить, либо анатомировать. Бегло брошенный мной взгляд не обнаружил никаких признаков жизни.

Однако, спустившись несколько часов погодя в подвал, я к своему удивлению, услышал какое-то похлывание в сосуде и заглянул в него. Лед растаял. Огромные надутые губы, окаймленные чуткими усиками, предстали передо мной, жабры существа медленно работали. Тонкая струйка серебристых пузырьков поднялась к поверхности и лопнула. Рыбий глаз глядел на меня сурово.

«Аквариум», — подсказал он. Я явно имел дело не с уолденской щуккой. Это был изжелта-зеленый, зарывающийся в болотный ил, недружелюбный житель наводнений, засух и циклонов. Он являлся отборным продуктом плоскогорья и струящихся по нему вод. Ему нипочем были выюги прерий, от которых гибнет скот, замерзая на ногах в сугробах.

«Сейчас принесу аквариум», — сказал я не без уважения.

Говорят, что художник Юрий Ракша был счастливым. Он и сам утверждал это. В своем дневнике он записал: «Любимое дело. Любимая женщина. Любимый дом. Наверное, это и есть счастье». Впрочем, сколько людей — столько ответов. Но в одном, наверное, ответы сойдутся: счастье — это прежде всего любимое дело. У Юрия Ракши оно было. Даже и не дело... Нет, то была страсть, огромная страсть, ради которой он жил и работал! Смею утверждать — он казался мне одержимым...

Однажды мне удалось увидеть очень близко его глаза. Вы усмехнетесь — ну и что же? Но я вас разочарую: в этот миг художник стоял в двадцати метрах от Собора Парижской богородицы. Он стоял и просто смотрел на Собор. И какие у него были глаза! В них и радость, и какой-то прощальный печальный свет, и сверх того боль, нестерпимая боль, а может, даже тоска. Честное слово,

все это жило в нем вместе, и я поразился. Да и откуда она, тоска, почему? Так бывает, когда человек с кем-то расстался — навеки близким, родным навеки. Но ведь это было не прощание, а встреча: знаменитый Собор стоял перед нами, а его башни матово горели в теплых лучах сентябрьского солнца... А в глазах у художника сыла печаль. Но откуда она, почему? И почему ему так тяжело?.. Я терялся в догадках... А может, он что-то вспомнил сейчас, что-то решает. И вдруг он быстро-быстро раскинул свои походный этюдник и стал рисовать. Лицо его сразу напряглось, побледнело, а брови прижались к самым глазам и чуть заметно подрагивали. Я отвернулся, чтобы не мешать, и опять поднял голову — башни Собора куда-топлыли в теплом парижском небе. Именноплыли, даже как будто покачивались. А вокруг гудела толпа, пахло свежей зеленью и цветами. Все это

напоминало Сочи — и нарядная толпа, и цветы, и высокое праздничное небо. Я сказал об этом художнику, он взглянул на меня рассеянно, как будто увидел впервые. Глаза его снова были печальны. Но что с ним, ведь рядом Париж... А впрочем, помните у Бодлера: «В провалах грусти, где ни дна, ни края, куда судьба закинула меня...» Но при чем же здесь Бодлер и парижское небо? — спросите вы и будете правы. Потому расскажу сейчас все по порядку.

С художником Юрием Михайловичем Ракшей я познакомился в Париже, точнее, по дороге в Париж.

Еще в Шереметьеве я успел перекинуться несколькими фразами с Юрием Михайловичем. Художник заговорил со мной очень приветливо, располагаяюще и сразу напомнил мне кого-то из моих бывших сокурсников по Литературному институту, а кого — я никак не мог вспомнить. Вот и потом, в самолете, я все время

разглядывал профиль художника и все думал: ну на кого он похож, на кого?.. А потом самолет набрал высоту, и моторы загудели очень ровно и усыпляюще — и сразу стихли в самолете все шутки и разговоры, ведь под нами уже Европа... И каждый теперь думал только об одном: как-то встретит Париж? И вот через два часа аэропорт имени Шарля де Голля. А еще через час — отель Гарнье. А потом уж Париж...

А через день мы стояли с художником и его женой Ириной у знаменитого Собора. И вот тогда-то я и увидел близко его глаза. Увидел и поразился. Они были совсем другие, чем в самолете. Они были особенные — в них застыли боль и тоска. Но вдруг глаза оживились на миг, заблестели, и в них вспорхнул свет, но ненадолго. Он посмотрел на меня и как будто силился что-то сказать. Но я ошибся — и глаза стали тяжелые, безразличные, они точно с кем-то

ОДНАЖДЫ

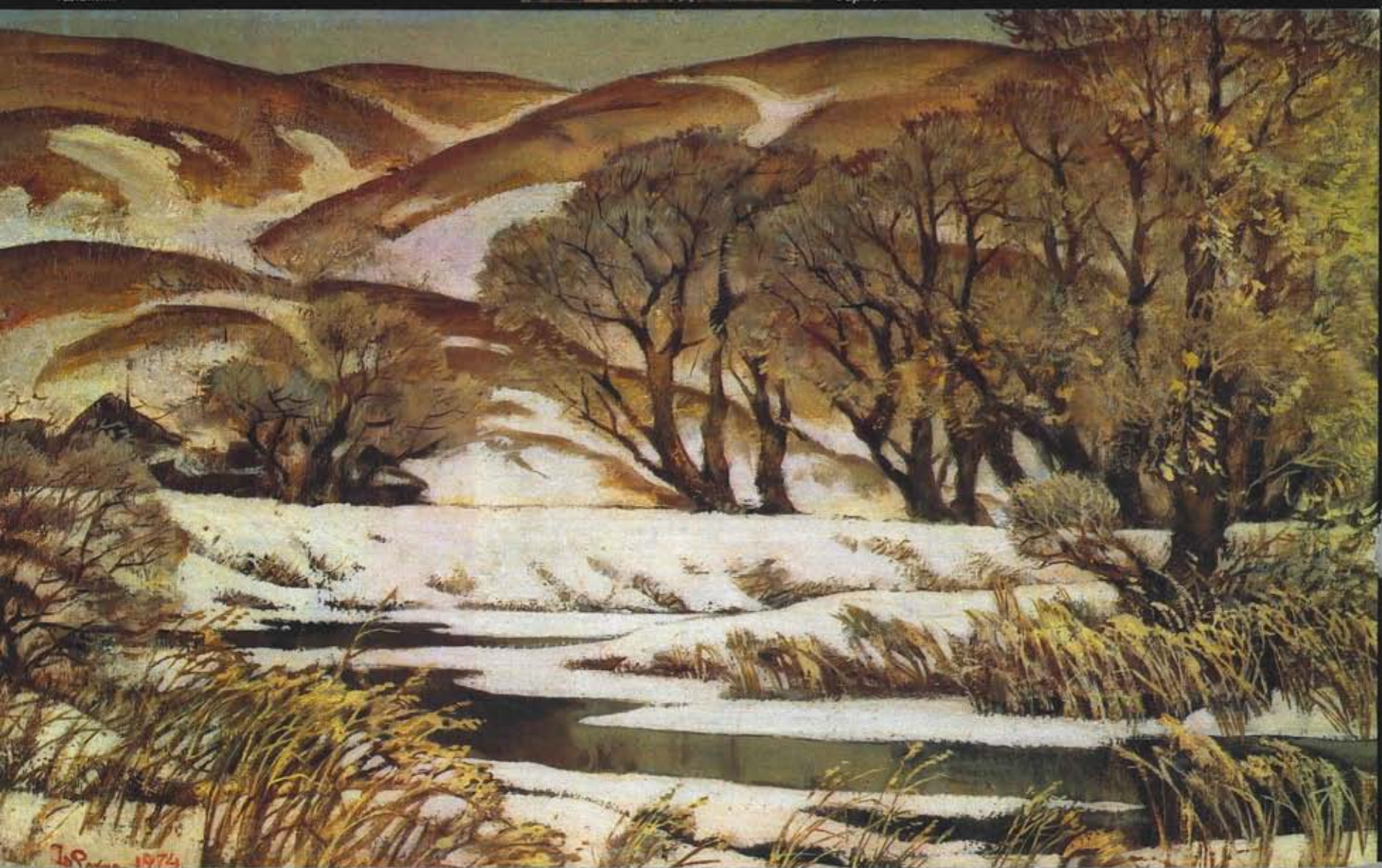

Тальник.

И НАВСЕГДА

Виктор ПОТАНИН

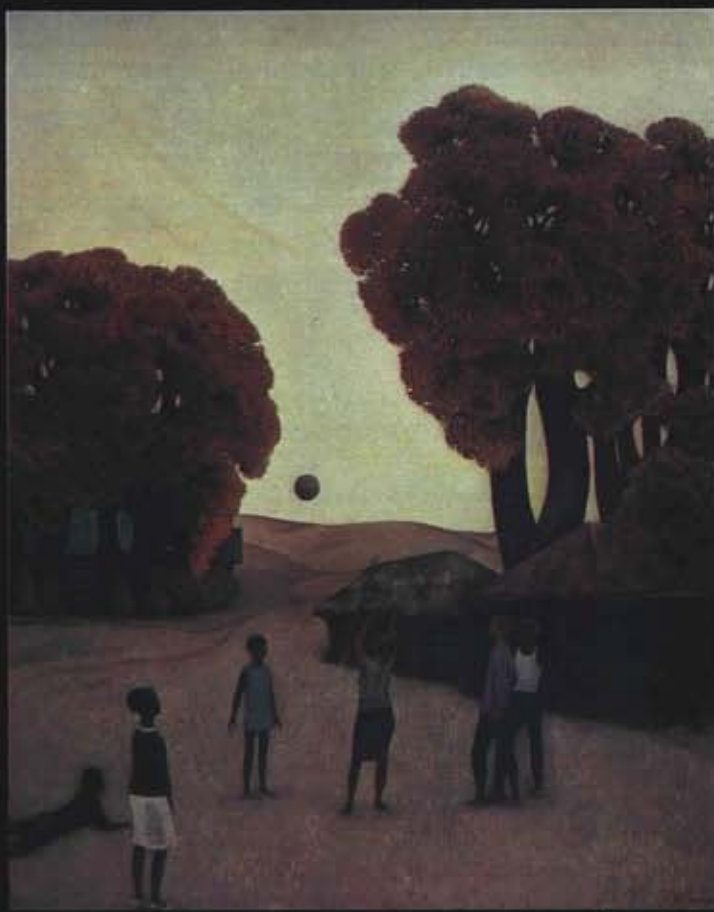
Гармония.

369 1974

Берка Квит-77. Молодые зодчие.

Воскресение.

прощались... Где мне было знать тогда, что художник уже носил в себе тяжелую неизлечимую болезнь крови и, наверное, понимал уже, что дни его на земле сочтены.

Как это тяжело — не только написать, но и подумать: «Дни его сочтены...» Но еще тяжелее с таким знанием жить и работать. Какое нужно мужество, сила, страсть! И еще что-то сверх этого, что называем мы порой волей к жизни. Но я зачеркнул бы все-таки слово «воля» и поставил — «любовь». Да, любовь ко всему существу на земле — иначе не скажешь!.. У него это было, было. Потому он и работал как одержимый.

Вот и тогда метрах в пятидесяти от Собора он раскинул свои походный этюдник и стал рисовать. Я стоял близко и видел его рисунок. Это были, конечно, наброски, всего лишь поиски темы и интуиция, но все лицо художника как-то изнутри посветлело и стало бледным, почти что берестяным, а глаза стали сухими и жесткими и перестали замечать окружающее. Он видел теперь только Собор — творение, все его бесконечные каменные плетения, все витражи, фигуры и башни... И я наблюдал, как его карандаш единым росчерком рождает фигурки библейских царей и пророков, как стремительно выписывает порталы Девы Марии и святой Анны, и все это появлялось под его некрупной, аккуратной лепки, но твердой рукой так стремительно, быстро, что походило на фокус, нет, даже не фокус, а точно бы проявитель соединялся с фотобумагой — и там, на листах у художника, сразу же все оживало, приобретая точные

«Как замечательно вспоминать стихи Пушкина, Тютчева, Блока в момент самого невероятного обстрела. Великолепна моя судьба: она кинула меня в самую гущу событий... Я — кристалл, в котором преломляются их лучи...» — так писал с фронта в мае 1943 года поэт Евгений Абрисимов своему другу в Москву... Рослый парень, механик на заводе, один из ярких участников литературного объединения при журнале «Смена»... Он не вернулся из боя... Ветеранами Великой Отечественной стали и другие поэты и прозаики литобъединения — Вадим Кожеников, Александр Коваленков, Павел Железнов, пишущий эти строки Яков Белинский...

Мое первое опубликованное произведение — маленькая поэма «Девять негров» вышла в мартовском номере «Смены» за 1932 год. За ней в журнале стали печататься новые стихи: «Время», «Большевик», «Бетховен»... Наша литгруппа на своих занятиях встречалась с большими мастерами советской литературы. К нам охотно приезжали А. Толстой, И. Эренбург, И. Бабель... Шел откровенный, увлекательный разговор о жизни, о личности писателя, о мастерстве. Выступали в журнале со своими произведениями и критическими разборами В. Шкловский и М. Пришвин, К. Паустовский и Н. Ушаков, С. Третьяков... Конечно, нам, молодым литераторам, повезло — общение в начале своего творческого пути с кругом таких замечательных художников!

Я всегда ощущал и доныне чувствую внутреннюю связь с этими мастерами, столь разными, но каждый из них — с неповторимым талантом и ярко очерченной индивидуальностью.

Часто встречались мы с заводской молодежью, читали мы свои стихи в студенческих аудиториях, встречались в Московской консерватории с начинающими композиторами. (Среди них — смуглый, черноволосый Арам Хачатурян и его сверстники...)

Нередко приходили к нам и другие молодые московские поэты — Д. Кедрин, Я. Смеляков...

Поколения поэтов... Возраст мастера... Признаюсь, я придаю не слишком большое значение этим критериям... Истинный поэт — это всегда молодость. И если он утратил пронзительно ясное восприятие времени, острое чувство новизны, если он теряет способность излучать своим творчеством то, что способно взволновать его сегодняшнего современника, он просто перестает быть поэтом. Неудовлетворенность сделанным и неотступное стремление к совершенству — без этого нет художника. Поэт — непрерывное саморазвитие, постоянное движение вперед, каждодневный поиск. Истину далеко не новые. Однако на семинарах молодых поэтов — в подмосковном ли Внукове, в далеком ли Иркутске, где мне доводилось быть одним из руководителей семинаров, хочется постоянно о них напоминать молодым. И не забывать самому. Слово за молодыми поэтами! Слово новой смене!

Я стою на плечах отца. Мой отец на плечах деда... Держит мир на плечах предок рук моих, глаз моих, моего лица... Подо мною — бездонность тысячелетий. Без начала. И без конца. Сквозь негаснущей вечности ветер — вечный свет моего лица. О, ведущие в Завтра ступени, восходящие этажи. Гул идущих людских поколений. Без предела. Без края. Жизнь. Надо мной — ствол галактики. Справа и слева — ветви неба: людей и созвездий семья. Вот мое генеалогическое древо. Я. Род Человеческий. Мы. Стоящие рядом. Идущие в Завтра. Летящие к звездам. Сколько нам лет? Говорят: один миллион. А дальше — путь в беспредельность. Мы. Род Человеческий. Те, что ушли. Те, что живут. Те, что будут. Каждый из нас — я, ты и он — часть громады, шагающей по тысячелетиям. Кто говорит, что мы смертны? Род Человеческий нескончаем. Богоподобный. Священный. Род Человеческий. Мы.

ВСЕОБЩАЯ ЖИЗНЬ

Яков БЕЛИНСКИЙ

ТРИ ФРЕСКИ

I СОН О КАМЕННОМ ТОПОРЕ И ПЕРВОМ ХУДОЖНИКЕ

...Дымил костер, вздуваясь на ветру... Выл зверчеловек, ощерясь... Косматый круг и топот у пещеры... Гимн Каменному Топору... Зрачков не отводя, в упор я видел, как металась краска, и в пятнах пламени топор кружил в своей багровой пляске... За ним вилась войны тропа, царил закон звериной силы, топор, дробящий черепа, и первых воинов могилы...

...И новый сон ворвался в этот сон, прозрениями странными чреватый, — бежал сквозь время яростный бизон, изображенный охрой красноцветной... Среди тайников Гиссарского хребта, в пещере древней у Кигитангтау сияла мне рисунка красота, что за тысячелетия не устала... Глядел в глаза мне светоносный глаз, вонзались в камни — острые копыта... Мне снился сон... И было мне открыто, сокрытое пластами лет от нас... Художник первый!.. О, как мне близка твоя мечта — исканий трудных бремя... Свет красоты струился сквозь века... Власть красоты преобразала время... Среди грубых глыб рождался новый век, столкнулись свет и хаос круговерти... Так начинался новый человек, завоевавший право на бессмертье...

II СОН О ХИРОСИМЕ

...Через 9 кругов Дантова ада ты ведешь меня, мой Вергилий, о, как жутко вопит человеческих страданий громада, боль и ярость лики избороздили. Ртов разъятых воронки. И ужас вздетых рук... По кровавым полям веков ты ведешь меня через 9 багровых кругов — в 10-й круг, которого у Данте нету... Мы с тобой переплыли не Стикс, а бессонную Лету, что давно не лепечет, а ревет разъяренно, правит Робот ладый вместо старца Харона... Мой Вергилий! — не тот в одеянии белом, чье чело гордится лавровым венцом, — мой Вергилий — голый мальчик с полусожженным телом, с тем безглазым, безгубым, что было когда-то лицом... Вижу! Хватит! Ступнями босыми, — весь сплошной келоид, за струпом — струп, — ты ведешь меня снова в ту Хиросиму, — в 10-й круг... Пузыри земли. Пляска атомной пыли. И молчание тысяч. Но кричит каждый камень... Беспощадно со мной мой Вергилий — память...

III СОН О СТЕНОБИТНОЙ МАШИНЕ

...Я видел город. Вставший на вершине холма. Напоминающий наяду, античную... Стена. И стенобитная машина, несущая сквозь ночь свою кувалду, — Бараний Лоб, окованный железом и обгащенный кровью и пожаром, раскачивающийся всем стотонным весом, всей яростью за миг перед ударом... Стена, что окружает дивный город — мир мастеров, мыслителей и магов, — он стар, как мир, и беспредельно молод, над ним шумит веселый праздник флагов... Идут за стенобитной машиной всю ночь вооруженные мужчины — псырыцари, ландскнехты, канониры, — пищали, аркебузы и мортиры... И вот уже среди топота и гула, в седых снегах или в пустынях знойных отсвечивают длинной сталью дула орудий дальнозорких, дальнобойных... И дальше — вслед — бесстыжий и коварный, угрозой наглой всем земным пределам, — баллон, несущий подлый газ бинарный и узкий лазер с дьявольским прицелом... Стена. И город. Вставший на вершине холма... Дома его, одетые загаром зари... Стена. И стенобитная машина. Ее таран. За миг перед ударом...

Бег времени. Неукротимый бег... Закончив спор, над коим буря кружит, шагнуть всем миром в XXI-ый век, XX-му — в музей — сдав оружие! Убить войну! Навеки. Навсегда. Чтоб твердь Земли вновь кровью не намочила, чтоб радостно вздохнули города, лежавшие под острием Дамокла. Чтоб в мире цели не было святей: сотворчество и всех народов благо, чтоб был спокоен мирный сон детей в домах Чимкента и в домах Чикаго. Чтоб в день грядущий распахнуть врата, в тот век, где неразрывны мысль и чувство, где высшая сияет красота, связуя труд, науку и искусство. Пускай растопят свет и власть весны вчерашних льдов заторы и торосы!.. О, новый день — сиянье новизны! И новые Эйнштейн и Ломоносов!.. Пусть правит мысль, высветивая дали, — всеслитна связь сердец, и рук, и лбов: ты — Человек и, значит, гениален, и гениальна каждая любовь! Судьба Земли — содружество людей, хор всех народов — белых, желтых, черных, всех сил Земли, навек раскрепощенных, Всеобщий путь. И нет других путей... Да будет мир веками нерушим! Да светит солнце мира всем народам! Да не погаснет Разум! Защитим Бессмертье Человеческого Рода!

началось все... с кукол. Учащиеся единецкой школы № 3, ожидавшие гостей из Прибалтики, решили преподнести на память своим сверстникам не совсем обычные сувениры. Накупили кукол-голышей, выкроили для них одежду, расшили ее гладью и болгарским

И обычные куклы превратились в красавиц молдаванок, наряженных в яркие национальные костюмы. Выдумка понравилась и гостям, и хозяевам.

Вскоре после этого кто-то подал идею: а почему бы не вышить таким же образом и костюмы для школьного танцевального ансамбля? Попробовали — получилось. На одном из концертов костюмы увидели руководители соседнего колхоза. Тут же оформили заказ на изготовление нарядов и для своих самодеятельных артистов. А к тому времени, когда юные мастерицы смогли получить первое в жизни вознаграждение

за труд (в виде экскурсий и туристических путевок), в стране появились и первые кооперативы.

Бывший директор школы, покойный ныне Василий Федорович Бурденюк, был человеком инициативным и энергичным. Это он предложил, казалось бы, немыслимое предприятие. В числе его сторонников оказалось подавляющее большинство педагогов и абсолютное — учащихся. Так в районном центре Молдавии родился первый в стране школьный кооператив. Точнее — кооперативно-производственное объединение «Интеграл».

— Перед нами постоянно стоял большой вопрос: как организовать производительный труд школьников, — рассказывает Мария Павловна Лаблюк, учитель химии (есть у нее еще одна должность, которая так и называется — организатор производительного труда). — Куда бы я ни обращалась, везде встречала отказ. Детский труд у нас не поощряется. А сегодня нам уже не нужно ходить с протянутой рукой. Иголлка да нитки — вот и все, что требуется для работы. Правда, мальчишкам приходится сложнее. Они у нас осваивают инкрустацию по дереву.

ЕДИНЕЦКИЕ РУКОДЕЛЬНИКИ

Александр КОБЕЦ.

Фото Сергея ВЕТРОВА

Вышивка, шитье, вязание — любимые занятия восьмиклассницы Светланы Каминской.

В кооперативе есть дело и для мальчиков.

В колхозном детском саду праздник: кооператив привез нарядные костюмы.

А это и специальные материалы, и инструменты, и даже дорогостоящий пресс.

— Хотя мы делаем лишь первые шаги (кооперативу нет и года),— вступает в разговор председатель кооператива Иван Афанасьевич Марцефляк,— все время ищем новые области применения сил и навыков ребят. Мальчики сколачивают посылочные ящики; недавно с местным дорожно-ремонтным строительным управлением заключен договор на изготовление из листового железа различных деталей для отделки кровель, парпетов, подоконников. Девочки шьют теперь и летнюю одежду, рассчитанную на массового покупателя,— блузки, платья, комбинезоны. Готовые изделия реализуются через Райпотребсоюз. Постоянно вступаем в контакты с предприятиями местной промышленности, предлагая выпускать ту продукцию, в которой они испытывают дефицит. Уверен, что в заказниках недостатка не будет...

Заработки ребят — от 10 до 50 рублей в месяц. Как их тратят? Алла Бадалиш, например, вносит все деньги в семейный бюджет. Инга Оболенчик купила школьную форму, ранец и учебники брату. Оля Матвеева собирается приобрести туристическую путевку.

— Главная наша задача, конечно же, не набивание мощны, а приобщение детей к общественно полезному, производительному труду,— убежден И. А. Марцефляк.— Десятиклассникам, членам кооператива, мы завели трудовые книжки. Человек еще учится в школе, а у него уже идет трудовой стаж! Вступая в производственные отношения, наши дети учатся рачительности, умению ценить труд, трудовую копейку. Появляется хозяйское отношение к своему делу. А ведь чего-чего, а именно бесхозяйственности мы все хлебнули с избытком в последние годы... У каждого из учащихся — своя норма. За ту работу, что ребята выполняют дома, они получают сто процентов заработка. А за выполненную в школе — половину. Вторая идет на

счет школы. И, поверьте, недовольства этим ребята не проявляют. Напротив, ведь средства, полученные с их помощью, идут на оборудование классов, укрепление материально-технической базы школы.

Но не мешает ли работа в кооперативе нормальной учебе? И учащиеся, и педагоги отвечают в один голос: нет, не мешает. Принимают лишь тех, у кого нет троек и чьи родители подают заявления с просьбой включить их ребенка в состав кооператива. Заявления визируются классным руководителем.

Взрослых в «Интеграле» много — пенсионеры, учителя, но труд их оплачивается ниже, чем детский. Если взрослый получает за некую операцию, скажем, рубль, то подросток — на семьдесят копеек больше.

Опыт единецкого школьного кооператива поучителен. Перенимать его едут из разных концов республики. Растет спрос и на его продукцию. Образцы ее представлены на ВДНХ Молдавской ССР. Знают об умельцах из Единцов и за пределами республики. В далекий Мурманск ушла недавно заказанная партия русских и молдавских народных костюмов, расшитых рукодельницами из третьей школы.

А вот в местном роно да и в Министерстве просвещения Молдавии интереса к кооперативу нет. Более того, районный отдел народного образования запретил снабжать заказами учащихся четвертых—шестых классов. А ведь именно шестиклассники, как рассказывали мне педагоги из третьей школы, особенно настойчиво просят, буквально умоляют, дать им хоть какую-нибудь работу. Так стоит ли бить по ручонке, тянущейся к труду? Может статься, позже она не даст, но лишь брать пожелаает...

Вероятно, в министерстве и роно считают кооператив не лучшей формой приобщения школьников к производительному труду. Пока учреждения ищут альтернативу «Интегралу», в Сорокском районе Молдавской ССР готовится к открытию новый, сельскохозяйственный школьный кооператив.

Ледовая крошка фонтаном брызжет из-под заднего колеса, и кажется, что на такой скорости просто немислимо войти в вираж — вынесет, кинет на бровку, раздавит чудовищная центробежная сила. Но гонщик, положив машину почти параллельно земле, аккуратно обкатывает поворот, чтобы вновь распрямиться на прямой, разогнавшись на просторе. А через считанные секунды — новый вираж. Это и есть спидвей.

Его летний собрат — мотогонки на треках и гаревых дорожках стадионов — приобрел мировую известность в начале 30-х годов. Зрелищно этот вид казался очень выигрышным, вот только зимой гонщикам нелегко было поддерживать спортивную форму — чтобы представить в те годы мотоцикл на льду, нужно было, согласитесь, обладать довольно богатым воображением. Во всяком случае, когда 9 января 1939 года диктор на столичном стадионе «Динамо» объявил, что в перерыве хоккейного матча на опоясывающую поле ледовую дорожку выйдет человек и будет кататься на мотоцикле, ни один зритель, несмотря на трескучий мороз, с трибун не ушел. Да что там болельщики — сами хоккеисты остались посмотреть на диковинное зрелище. И слесарь завода «Красный пролетарий» Сергей Бучин их не подвел, отмерив колесами с металлическими шипами собственной конструкции ровно десять кругов по овалу стадиона с вполне приличной по тем временам скоростью — почти 40 километров в час. Сегодня гонщики, бывае, разгоняются на прямых участках до двухсот пятидесяти.

Новым видом спорта заинтересовался ДОСААФ. Союз оказался прочным — спустя почти полвека ледовые гонщики салютуют своему обществу в преддверии его X Всесоюзного съезда новыми успехами.

Под шлемами, шарфами и железными наколенниками прячут гонщики все свои травмы и болячки. У покорителей ледовых трасс как-то не принято распространяться о своих болезнях и повреждениях. Здесь болельщики лишены какой-либо информации. И им остается лишь нескладно удивляться, когда, например, восьмикратный чемпион мира Сергей Тарабанько на полной скорости вдруг таранит снежный сугроб на обочине трассы. Не справился с рулевым управлением? Тарабанько?! А Сергей с закованной в гипс шеей мог определить момент вхождения в поворот, только ориентируясь на ехавших рядом соперников, а когда те привычно отстали, прокатился мимо невидимого виража. Но заезд тот, пусть последним, закончил. Ледовые гонщики лишь в исключительнейших случаях сходят с трассы.

В заезде стартуют четверо гонщиков. Победитель получает на финише с отмашкой судейского клетчатого флага 5 очков, приехавший вторым — три, и так далее. Гонщик же,

не закончивший дистанции, на очки рассчитывать не может — потому и надо дойти до финиша во что бы то ни стало. Все крупные турниры проводятся в два дня, по 16 заездов в каждом, так что неудача в одной гонке еще не поражение.

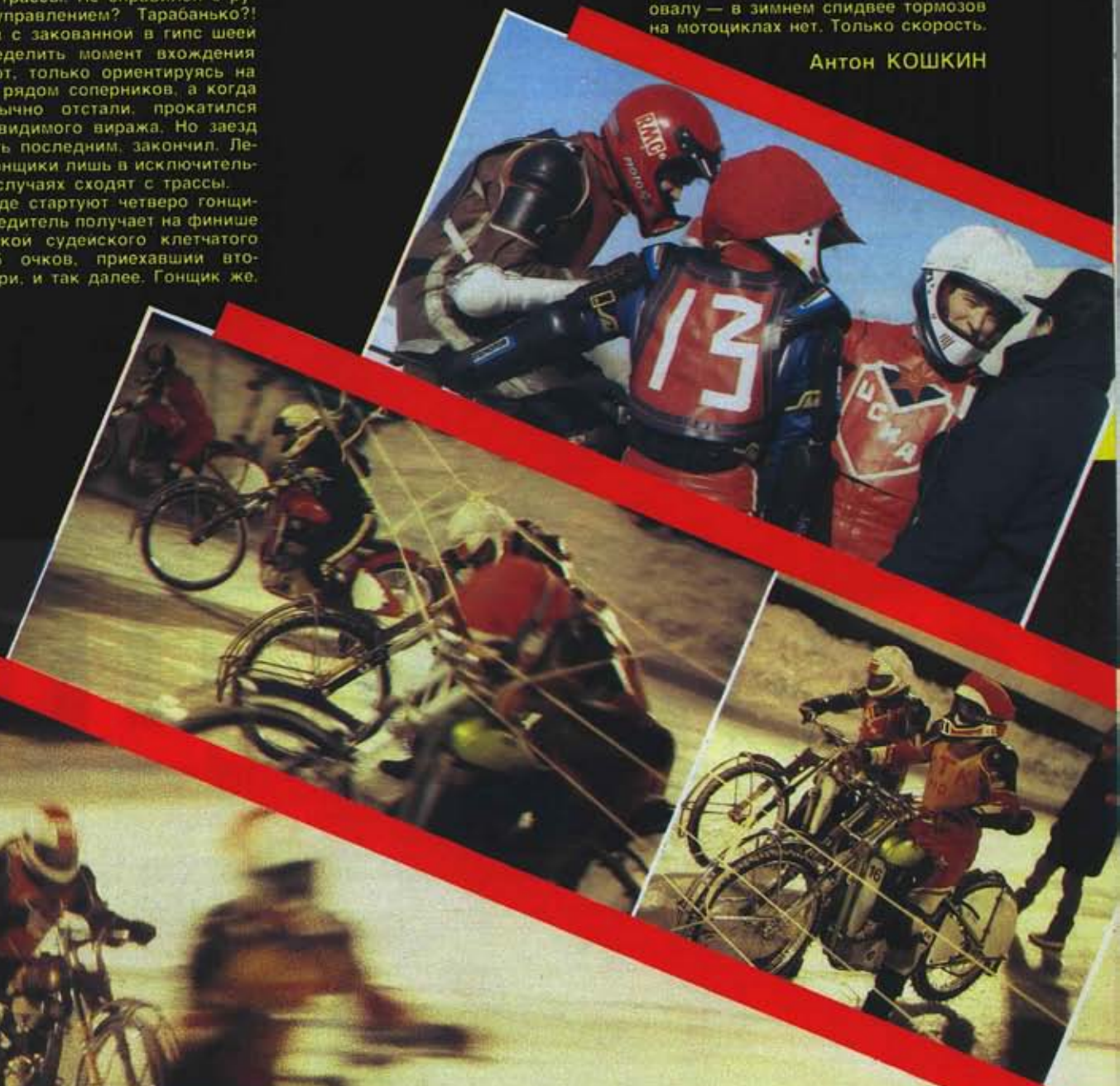
В индивидуальных чемпионатах мира советские гонщики участвуют уже без малого три десятка лет и за это время настолько приучили болельщиков к своим победам, что любое второе место нашего спортсмена воспринимается в мире мотоспорта как самая громкая сенсация. Габдрахман Кадыров, Сергей Тарабань-

ко, Владимир Любич ездили на мировые первенства только за «золотом».

История командных чемпионатов мира (в каждой сборной — по три гонщика, и очки, набранные ими в своих заездах, суммируются в командную копилку) ведется с 1979 года. И здесь наша сборная за восемь лет уступила соперникам пальму первенства лишь дважды.

По оценкам зарубежных специалистов, главное достоинство гонщиков нашей страны — быстрый старт. Очень важно хоть на полколеса опередить соперника до входа в первый вираж, чуть-чуть, но вперед высунуться. А дальше уже — по нарастающей. После финиша гонщики долго еще кружат по ледовому овалу — в зимнем спидвее тормозов на мотоциклах нет. Только скорость.

Антон КОШКИН

ГОНЩИКИ

МИХАИЛ ДУДИН

Русский поэт Николай Степанович Гумилев родился в Кронштадте 15 апреля 1886 года в семье военного корабельного врача. Вскоре после рождения сына семья Гумилевых переехала в Царское

Село, потом в Грузию, в Тбилиси, где юный гимназист пробует писать стихи и даже печатает одно из них в «Тифлисском листке». В 1903 году Гумилевы снова возвращаются в Царское Село, и семнадцатилетний Николай поступает в седьмой класс Николаевской царской гимназии, той самой, директором которой был тогда Иннокентий Анненский.

Очевидно, смолodu Николай Гумилев рос очень упрямым и настойчивым человеком. Он хотел быть героем, поэтом или путешественником и воспитывал в себе мужество и бесстрашие.

Еще гимназистом, в 1905 году Гумилев издал первый сборник своих стихотворений «Путь конквистадоров», где вполне определенно говорил о своем назначении:

*Как конквистадор в панцире железном,
Я вышел в путь и весело иду,
То отдыхая в радостном саду,
То наклоняясь к пропастям и безднам.*

Это была не только декларация, но попытка самоутверждения личности, попытка найти достойное место под небом, желание сделать позу позицией.

«Путь конквистадоров» — первый выход поэта к читателю, начало, может быть, неосознанного спора с Бальмонтом и Блоком, начало утверждения будущих собственных взглядов на поэзию.

От книги к новой книге растет мастерство Гумилева, стих обретает громкость, энергию, а сам автор превращается постепенно в путешественника и охотника за песнями мужества. Потом он объявит о несостоятельности символизма, начнет проповедовать свою теорию поэзии, назовет ее загадочно и звонко: акмеизм, но эта теория, как покажет время, подобно ниспровергаемому ею символизму, ни на йоту не приблизит поэзию ни к жизни, ни ко времени.

А ведь поэзия, как сама жизнь, непрерываема. Ее поток переклестывает через мели и перекаты и отстаивается на глубинах, чтобы вместе с самой жизнью двигаться дальше. Он пересыхает с затуханием жизни и возрождается с ее пробуждением; любой капле, любой струе всегда найдется место в непредсказуемом, как сама жизнь, потоке поэзии. Этот поток особенно усиливается от весеннего паводка предчувствий грядущих войн, катастроф и революций. Не случайно Велимир Хлебников в книге «Учитель и ученик», выпущенной в 1912 году, замечает как бы вскользь: «...не следует ли ждать в 1917 году падения государства?» — и в этом нет никакой мистики: предчувствия поэзии продиктованы необходимостью времени.

Поэзия сильна индивидуальностями. Был символизм, но от него остались Блок, Брюсов, Андрей Белый. Ушел футуризм, но остался Маяковский. Был имажинизм, но остался Есенин. Был акмеизм, но остались Ахматова и Гумилев. Все яснее простая истина, что без индивидуальности Николая Гумилева поток поэзии явно не полон.

К счастью, в юности мне попалась прекрасная книга. Она была внушительна по размерам и тяжела на вес. Под именами составителей И. С. Ежова и Е. И. Шамурина на белой мягкой обложке крупными красными буквами было напечатано: «РУССКАЯ ПОЭЗИЯ XX ВЕКА», а ниже мельче чернело слово: «Антология». Эта книга была выпущена в свет в 1925 году издательством «Новая Москва». На семистах тридцати страницах, в две колонки, здесь были напечатаны стихи ста два-

"ММР- ЛМШЬ ЛУЧ ОТ ЛМКА ДРУГА"

Георгий ВАЙНЕР

БЕС В РЕЗЬБО

Рисунок Виктора Скрылева

Такие лабиринты коридоров и залов для укрепления здоровья и развития физической культуры скрыты, оказывается, под трибунами стадиона! Я шла, как кладоискатель по недостоверной карте,— справлялась у встречающих, рассматривала загадочные таблички, читала непонятные надписи на указателях, и во всей этой круговерти переходов, круто изломанных поворотов, пробросов по лестницам вверх и вниз, в освещенных пожарными табло тупиках я никак не могла уловить ни намека на связь с внешней архитектурой стадиона, на пустой трибуне которого остался ждать меня Ларионов.

Казалось, что проектировщики специально запутали всю внутреннюю планировку, исходя из непреложной мысли: кому надо, тот знает где здесь что, а кто не знает, тому и делать тут нечего. И людей было мало. Если бы не доносились из-за перегородок и дверей тугие шлепки мячей, гулкие хлесткие удары и раскатистый звон «блинов» брошенной на помост штанги, можно было бы подумать, что сейчас глубокая ночь, а натрудившиеся за день физкультурники давно разошлись по домам, забыв выключить люминесцентное освещение в бесконечных пустых коридорах.

И усиливая это ощущение безлюдства, отсутствовала на своем месте секретарша в приемной. А дверь кабинета Чагина была приоткрыта, и я слышала оттуда приятный мужской баритон. Я просунула голову в щель и спросила:

— Можно?

Ой, какой замечательный кабинет был у Чагина! Чтобы попасть в такое обиталище, имело смысл попутать по всем этим переходам, лестницам и коридорам. Тем более, что стеклянная дверь в стене с огромными зеркальными окнами выходила прямо на улицу. Точнее сказать, на трибуну стадиона. Сидя в глубоком финском кресле за низким журнальным столиком, можно было со всеми удобствами наблюдать любые кристалища на спортивной арене.

Чагин, не отрываясь от телефона, кивнул мне и указал на кресло. Он лениво и односложно отвечал собеседнику, внимательно разглядывая меня. А я через шикарные линзы окон смотрела на нежно-зеленое поле, ребристый серый раструб трибуны напротив, пахонжей сейчас в своей пустоскамеечной оголенности на вздыбившуюся стиральную доску. Во втором ярусе сидел на лавке какой-то одинокий человек, и я не сразу поняла, что это Ларионов. Он был совершенно один на огромном ступенчатом скате трибуны, и пустые ряды вокруг него закручивались стряжим бетонным водоворотом, и в этой бездонной мертвой воронке он казался мне сейчас затерявшейся бессильной крупицей жизни. И впервые мне стало его по-настоящему, от сердца, жалко.

А Чагин, закрыв на миг широкой ладонью микрофон, сказал любезно:

— Вы, Ирина Сергеевна, устраивайтесь поудобнее... Остобенело смотрела я на него. Оперативность и информированность у них — позавидуешь! Что ж делать, надо с восторгом и некоторым оцепенением взи-

Иллюстрация Виктора Скрылева

Сколько раз я бывал в этой стране? Сбился со счета. Впервые, помню, в пятнадцать лет в составе юношеской команды ЦСКА... Но такого хоккея, как в турнире прошлого года, не припомню. По накалу, по скоростям, по борьбе, по драматизму, по продолжительности матчей, наконец. Отдельные матчи такого уровня, пожалуй, бывали, но чтоб целая серия — нет. Канадцы в один голос говорили: «Большая, великая серия! Такого не было никогда». Нам проходу не давали там, зрители благодарили просто за игру. Канадцы безмерно радовались победе своей команды, но еще больше — тому, что стали свидетелями невиданного доселе хоккейного праздника. Кстати, и шведы, и чехословацкие игроки признавались, что они

Вячеслав ФЕТИСОВ

ШТРИХИ К ГРУППОВОМУ ПОРТРЕТУ

Сегодняшний хоккей трудно представить без пятерки Ларионова. Слово она была в нем всегда, а не только последние семь лет, и всегда — безусловным лидером. Сегодня — их день, их узнают на улицах прохожие, их достоинства кропотливо изучают специалисты, их игра приносит результаты, приводит в восторг поклонников. Ну, а что остается за кадром? Что они за люди? Откуда эта способность год за годом выкладываться и творить, жертвовать собой и в то же время собой оставаться? Что происходит там, внутри эталонного звена, определившего тона и полтона хоккея, по сути, на целое десятилетие? О своих товарищах, о жизни, об игре рассказывает на наших страницах капитан сборной СССР по хоккею с шайбой, заслуженный мастер спорта Вячеслав Фетисов.

такого хоккея не видели. Конечно, я огорчен тем, что Кубок остался в Канаде. Но турнир подтвердил, что советская сборная — одна из сильнейших в мире, без нас этот турнир многое бы потерял.

Однако Кубок Канады — уже воспоминание. Грядет событие особой важности — Олимпийские игры. И снова на канадской земле, в Калгари. В сентябре по разговорам с канадскими игроками я понял, что многие хотят побороться за высший спортивный титул. Кстати, Гретцки просто мечтает об этом. Другое дело — отпустят ли всех лучших владельцы клубов... Очень сильны шведы, нынешние мировые чемпионы. Сборная ЧССР прибавляет на глазах, там уже прошла смена поколений. С американцами и финнами тоже шутки плохи... Испытание предстоит тяжелейшее...

Пожалуй, не сразу, но хорошо, что не слишком поздно прочувствовал я, что в хоккее, каким бы ты себя мастером ни считал, сам по себе ты мало значишь. Каждый из нас мечтает встретить настоящих партнеров.

Тех, кто остро нуждается в тебе. Тех, без кого тебе ну никак не обойтись.

Большое это счастье и большая редкость — хоккейный союз. Я познал это. И потому благодарен судьбе.

Я нашел хоккейных собратьев. И хочу верить, они во мне тоже не ошиблись.

Из ФРГ с мирового чемпионата 83-го года вместе с золотыми медалями мы, пятеро молодых армейцев, увозили домой неофициальное и вместе с тем публичное признание нашего хоккейного союза. Символическая сборная мира выглядела так: Третьяк, Касатонов — Фетисов, Макаров — Ларионов — Крутов. Наше звено в полном составе! Ну как не посчитать, что мы нашли друг

друга! И не вспомнить, хотя рыться в архивах нам недосуг, что похожего единодушия у журналистов раньше не наблюдалось. Обычно они называют представителей разных стран.

В 86-м году история повторилась. Снова корреспонденты сознательно нарушили общепринятую этику.

...Вместе мы сыграли первый раз в августе 81-го. Не знаю, мечтал ли Тихонов о таком звене, как наше. Определенно знаю только, что сложившиеся обстоятельства заставляли его искать, искать, искать. С жлуктовской пятеркой попробовал — не получилось. Петровская тройка распалась, покинула спорт. И ЦСКА, и соответственно сборная остались без лидеров.

Мне, кажется, подфартило. При подготовке к сезону решалось, с кем меня, восемнадцатилетнего юнца, выпускать на лед. Саша Гусев уехал на Кубок Канады-76, и Константин Борисович Локтев определил меня к Гене Цыганкову и петровскому звену. Вышло, что я сразу попал к лидерам. Но попасть — это полдела. Надо еще закрепиться. Отыграл я турниры на призы газет «Советский спорт» и «Каменный цветок». Локтев, он тогда руководил командой, оставил меня в ее составе и в ходе первенства страны. Представьте мое состояние: мальчишкой из дворовой команды и юношей-цзэсковцем с восторгом взирал на этих больших мастеров, «ходил» на них, учился у них, но мне и присниться не могло, что буду играть с ними в одной команде и даже в одном звене. Дистанция между нами была огромная, как между первоклассным опытным водителем и только что получившим права, и все-таки относились ко мне как к равному. С каждым днем убеждаясь, что не сон это, а реальность, я ощущал в себе способность горы своротить.

Съездил в Прагу. Там поздравили

меня с двадцатилетием. Стал чемпионом мира. А еще получил приз лучшего защитника турнира. Головка, прямо скажу, закружилась... Как-то очень уж быстро пробился вверх. Гордость за себя прямо-таки переполняла грудь. Небо над головой казалось безоблачным.

В Праге выступало звено Балдерис — Жлуктов — Капустин. Не подкачали, выступили сильно. Не предполагал, что это как-то коснется меня. Тихонов решил поставить к ним пару защитников и создать таким образом целую пятерку.

— Однажды у порога раздевалки ко мне подошел Виктор Васильевич и сказал:

— Майку поменяй. Надень желтую. Будешь тренироваться с жлуктовской тройкой.

Недолго думая, выпалил: — Не хочу! Буду с петровской тройкой играть!

Тренер начал было объяснять, что его предложение заманчиво, поскольку создается базовое звено для сборной и перспектива тут для меня открывается большая. Но к логичным доводам я не прислушался. Сыгрался с великими партнерами, был счастлив, и во мне росло чувство неведомой ранее ответственности: коли мне помогли, то и я обязан добром отплатить за добро. Сил невпроворот, надо помогать, максимально отрабатывать за мастеров, чтоб возраст свой не замечали. И в ответ на тренерские призывы к разуму я твердил одно и то же:

— Я буду с ними играть, пока они не закончат! Я буду...

Терпение у Тихонова лопнуло, и после очередного моего отказа он удалил меня с тренировки. А это — серьезное дисциплинарное наказание. В итоге я не там, куда меня направляют, и не там, где хочу быть. На несколько дней

фото Юрия Соколова

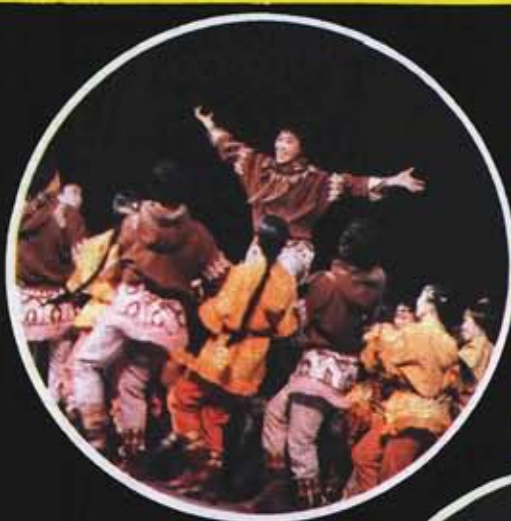

...Долго, бесконечно долго тянется полярная ночь. Сколько уже таких ночей помнит бабушка Имаклик! Но руки привычно нанизывают бисер, от неверного света жирника пляшут тени на стенах яранги. Может, вспоминается ей, как давным-давно устраивали состязания чукотские шаманы: от дрожащего света их маски как бы оживали, с каждым ударом бубна танец становился все быстрее и неистовее. Они вызывали «хэджэ» — солнце.

...Гаснет на сцене луч прожектора. Из темноты возникает огромный огненный шар. Начинается праздничный хоровод встречи солнца — один из лучших номеров программы ансамбля, лауреата премии Ленинского комсомола «Эргырон», что по-русски означает «рассвет». Кажется, что осветили лучи тундру: золотятся шкуры оленей, переливаются шкурки нерп и черно-бурых лис, вспыхивают огоньки первых цветов и ягод.

Еще студентом режиссерско-балетного факультета Ленинградской консерватории Георгий Ковтун мечтал о создании первого в мире национального балета чукчей и эскимосов. Теперь он — художественный руководитель ансамбля. Ему удалось сохранить в своей программе «Наша земля» первозданность народного игрового танца, а главный художник Алла Фролова с помощью доброй бабушки Имаклик сделала великолепные костюмы, в россылях бисера воссоздав краски щедрого,

СОЛНЦЕ!

«Эскимосские игры» — настоящий праздник молодости и красоты.

ЗДРАВСТВУЙ,

но короткого полярного лета. Искусно вплетая в ткань танца элементы балета и акробатики, артисты «рисуют» картины суровой жизни оленеводов и охотников. Настоящий праздник смелости и ловкости, молодости и красоты — «Эскимосские игры». Начинается он веселой чехардой, прямо-таки цирковым представлением, где вместе с элементами народной игры — акробатические трюки. Ребята настолько увлечены танцем, что, кажется, забывают о том, что это сценическое действо. И неудивительно: ведь большинству артистов — по восемнадцать-девятнадцать лет. А какую изобретательность проявили юные танцоры в «Играх животных»: в поединке оленей, в плавных, грациозных движениях пугливых лис...

Больше всего любят артисты ездить по родной Чукотке, по самым дальним ее уголкам. Они не только выступают с концертами, но бережно, по крупицам собирают и записывают старинные песни и сказки.

...В темном предрассветном небе послышался звук приближающегося вертолета. Со всех сторон бегут к нему женщины, мужчины, ребяташки: не часто ведь увидишь в самом дальнем поселке артистов.

Скоро прямо на снегу в пятидесятиградусный мороз встретят они праздничным хороводом настоящий рассвет. Здравствуй, «хэджэ» — долгожданное полярное солнце!

Марина СИЛАКОВА

Фото Владимира Чешвини

